

§ 1. Просвещение читающей публики: историко-археологические сюжеты на страницах губернской периодики

*«.. Сужденья черпают из забытых газет
Времён Очаковских и покоренья Крыма».*

*А.С. Грибоедов.
Горе от ума.*

*«И всё же я нашёл в Хранилище
древних и старинных книг манускрипты,
которые мало кто способен понять, ибо
наречия народов древности знают сейчас
лишь мудрые».*

*Дж. Р. Р. Толкциен.
Хранители. II, 2.*

«Газеты — важное дело», — заявил после прихода к единоличной власти Бонапарт своему министру полиции Фуше и распорядился закрыть 69 газет из 73, выходивших тогда в Париже. Сохранённые четыре листка превратились в сугубо официозные органы наполеоновской империи. Их редакторов новый император наставлял: «Господа! Вы должны печатать правду, только правду, ... но не всю правду»¹.

В России того, да и последующего времени периодических изданий насчитывалось куда меньше, чем в Западной Европе. Особенно отставала по части прессы наша провинция. Образец Курска и на сей счёт предельно типичен — *первая* и долго, более полувека, единственная здесь *газета* — *курские «Губернские ведомости»* (КГВ) — начала издаваться только с 1838 года². На протяжении нескольких лет она состояла лишь из официальной части — административных объявлений всех рангов и хозяйственно-экономических справок (вроде рыночных цен на основные товары местного рынка или других ходовых предметов купли-продажи). Затем к этому прибавились ещё несколько страниц — так называемая неофициальная часть. Её более разнообразное содержание, впрочем, оказалось и всегда оставалось довольно аморфным: театральные репортажи о гастролях заезжих артистов, светская хроника дворянских балов, полезные советы на разные случаи семейно-домашней жизни и

¹ См.: *Тарле Е.В.* Печать во Франции при Наполеоне I // История печати / Под ред. *Я.Л. Засурцева, Е.Л. Вартанова.* Т. II. М., 2001.

² В первом издании моей книжки я ошибочно датировал это событие 1839 годом. Благодарю скрупулёзнейшего А.И. Раздорского за поправку (сделанную на сайте «Курск дореволюционный»).

огородно-садовых работ, умеренно «жареные факты» всякого рода происшествий — природных и общественных, здешних и заграничных; наконец, научно-популярные материалы по естествознанию и, что особенно важно для рассматриваемой темы, по истории и прочим отраслям гуманитарного знания.

Из электронного архива Курской областной библиотеки имени Н.Н. Асеева.

Приходится только удивляться, как в отсутствие телефона и телеграфа, даже какое-то время и железной дороги, относительно свежие новости попадали-таки в курскую глубинку империи. Почта, впрочем, ходила куда скорее нынешних писем и бандеролей. Судя по штемпелям и датам архивированной корреспонденции того времени, письмо из столицы доходило в Курск на третий день после отправки с «берегов Невы», а из Москвы — и на завтра. Пропорции того, другого, пятого и десятого в губернской газете во многом зависели от энергии и способностей её редакторов. Они менялись довольно часто — видимо, материальные выгоды и степень престижности этой службы не слишком окупали журналистско-типографские хлопоты и особенно постоянную опасность проштрафиться

перед многоступенчатым начальством, напечатав не то или не так, как тому хотелось бы. Как правило, редакторство совмещалось с другим постом в губернской администрации или учительской должностью. На счастье читателей (и историков региональной журналистики, краеведения), во главе «Курских губернских ведомостей» несколько раз оказывались способные публицисты, не лишённые исследовательской жилки, а в том числе — талантливые историки, энтузиасты местной старины.

Их когорту открывает чиновник, губернский секретарь и правитель газетного стола, учитель курской мужской гимназии *Александр Михайлович Головащенко* (1810-е – после 1883) ³. Рекордный срок — с середины 1849-го по 1865 год он редактировал здешние «Ведомости» и буквально наводнил их своими и чужими заметками и статьями по истории, этнографии, искусству и остальной культуре, отдавая предпочтение курским сюжетам.

Принадлежащий его перу сводный опус — «*Краткий исторический обзор Курской губернии*» ⁴ — неоднороден. Местами изложение там ведётся донельзя наивно, в духе ранней — XVIII столетия историографии, то есть в полулетописном стиле, если не сказать баснословном духе. Но там же то и дело встречаются и очень прозорливые догадки, и новые по тем временам факты. Определённую пользу имела тогда и сохраняла впоследствии сама добросовестная компиляция всех упоминаний о Курске и курянах из работ представителей нескольких первых поколений историков Отечества — Василия Никитича Татищева (1686–1750), Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), Августа Людвиг Шлёцера (1735–1809), Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870), Николая Алексеевича Полевого (1796–1846), Афанасия Михайловича Щекатова (1753–1814), Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), Михаила Петровича Погодина (1800–1875), Вадима Васильевича Пассека (1808–1842), Фридриха Карла Германа Крузе (1790–1866), Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873), Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879). Ещё перспективнее для исторического краеведения оказалось привлечение к этой историографической сводке первоисточниковых отзывов византийских и арабских авторов, русских летописей о восточнославянском объединении северян, населявших Курское Посеймье на рубеже I и II тысячелетий новой эры.

В результате первоначальный Курск в общем правильно рассматривается А.М. Головащенко как перевалочный пункт международной торговли своей эпохи, «откуда легко можно было отправлять товары на север

³ Его инициалы правильно раскрыл всё тот же дотошный А.И. Раздорский, за что я ему в очередной раз кланяюсь и благодарю за помощь в работе.

В «Адрес-календаре Астраханской губернии на 1883 год» (Астрахань, 1883), на стр. 34 «статский советник А.М. Головащенко» указан действительным членом Статистического комитета.

⁴ См. отдельный оттиск, сохранившийся в нескольких государственных архивах: *Головащенко А.М. Краткий исторический обзор Курской губернии*. Курск, 1854.

по Оке и на юг по Десне»⁵. Встречаются у этого автора даже оригинальные археологические параллели к письменным источникам, что по тем временам было очень большой редкостью для исторических сочинений. Это, скажем, упоминание «княжьего городка» в Путивле, на обрывистой скале над Сеймом; более легковесная догадка насчёт летописной Рахни, откуда угнали у князей Ольговичей, Игоря и Святослава четырёхтысячный табун лошадей, — «Не нынешняя ли река Рать?» (действительно весьма примечательная историко-археологически речка, приток Сейма⁶); и тому подобные разумные предположения.

Ещё курский журналист составил очерки о курской Коренной иконе⁷ и Коренной ярмарке при одноимённой пустыни⁸ Знаменского монастыря⁹, а также *первый биографический очерк* прославившегося по всей России астронома-самоучки Фёдора Алексеевича Семёнова (1794–1860)¹⁰. Из этого своеобразного «протографа» в дальнейшем заимствовали фактический материал журналисты и краеведы, периодически сочинявшие газетные статьи и целые брошюры о знаменитом земляке. Та же самая историографическая участь ждала выполненное этим же автором описание Коренной ярмарки¹¹. Этот очерк всюду пересказывали без ссылки на настоящее авторство краеведы всех последующих поколений, а затем и некоторые советские историки, когда им с началом 1990-х годов остро потребовалось перейти из истории КПСС в настоящую историографию, но уже с православным оттенком¹².

Историографически весьма показательно знакомство открытого первой местной газетой героя естествознания и просвещения, а в миру мясника и купца Ф.А. Семёнова, с курским же купеческим сыном *Николаем*

⁵ Ср. современную трактовку этого исторического сюжета: *Енуков В.В., Щавелёв С.П.* Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII веках // *Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Сборник статей и материалов.* Курск, 1996. С. 12–34.

⁶ См.: *Енуков В.В.* Славянский комплекс на Рати // *Археология и история юго-востока Руси.* Курск, 1991.

⁷ См.: *Головащенко А.М.* Чудотворная икона Знамения Божией матери, называемая курская // *Курские губернские ведомости.* 1850. № 37–38.

⁸ Пустыню в синодальной России называли заштатный (то есть существующий на собственные ресурсы, без государственной поддержки) монастырь. Такие, как правило располагались в глухих, удалённых от городских поселений местах.

⁹ См.: *Головащенко А.М.* Исторический и статистический обзор Коренной ярмарки. Курск, 1851.

¹⁰ См.: *Головащенко А.М.* Самое подробное жизнеописание Семёнова // *Курские губернские ведомости.* 1850. № 25; 1851. № 20.

¹¹ См.: *Головащенко А.М.* Исторический и статистический обзор Коренной ярмарки. Курск, 1851.

¹² См. хотя бы: *Друговская А.Ю.* Использование краеведческого материала в преподавании «истории религии» // *Вестник Российского сообщества преподавателей религиоведения.* 2008. № 1. С. 55–58; *Её же.* Значение Коренной ярмарки в развитии межславянских экономических и культурных связей // *Культурология в контексте гуманитарного знания.* Курск, 2011. С. 401–402.

Алексеевичем Полевым, в свою очередь ставшим (не без скандалов при подписном сборе денег на его издания) знаменитым на всю страну литератором, историком, издателем¹³. А поначалу служившим в скромной роли правителя коммерческой конторы курского купца (средней руки) А.П. Баушева. «Покойный Н.А., — вспоминал журналист, — свободное от коммерческих занятий время посвящал литературе и истории и с особенным удовольствием передавал Ф.А. [Семёнову] всё новое. Часто целые ночи проходили у них в разговорах о науке и искусствах и аналитически точный ум Ф.А. не однажды останавливал пылкое поэтическое воображение Н.А.»¹⁴.

*Карандашный портрет Н.А. Полевого 1840-х годов,
приписываемый В.А. Тропинину.
Репродукция с портала dic.academic.ru*

Как видно из соответствующей работы А.М. Головащенко, годы жизни Н.А. Полевого в Курске — 1813–1820 — не прошли даром для расцвета научного и писательского таланта этого историка русского народа. Хотя

¹³ См. очерки биографии и взглядов этого курского уроженца: *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981. 224 с.; *Её же.* Предчувствие истины: Николай Алексеевич Полевой // *Историки России. XVIII – начало XX века.* М., 1996. С. 152–173; *Курилов А.С.* Услышать уроки истории // *Полевой Н.А.* Избранная историческая проза / Сост. А.С. Курилов. М., 1990.

О полемике вокруг главного труда Н.А. Полевого по истории см.: *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. 2-е изд. М., 2012. С. 103–105, 122.

¹⁴ Курские губернские ведомости. 1850. № 23. С. 216.

отсутствие систематической подготовки по части методики исторического исследования, которую, конечно, не могли заменить курские посиделки с талантливейшим астрономом-самоучкой, в свою очередь, сказались на негативных сторонах его учёной репутации и рекордном количестве критических нападок на его весьма своеобразную «Историю русского народа» (её автор не оставался в долгу и в свою очередь устно и печатно не уставал язвить своих критиков). Пример его друга мясника Семёнова показал, что можно сидеть в глубоко провинциальном городишке типа Курска, зарабатывать в поте лица своего на жизнь семьи самой кондовой коммерцией, а в то же самое время мыслью парить на всеевропейских высотах и добиваться признанных мировой наукой открытий. На таком идейном фоне претензия сочинить в пику карамзинской истории *государства* историю *народа* выглядит понятнее.

Прочитируем для иллюстрации выдвинутого тезиса забытый источник биографии Ф.А. Семёнова — статью некоего Перепелицына в «Одесском вестнике» о том, как члены Императорского Географического общества под руководством нашего курского «самородка русской земли» наблюдали солнечное затмение 1851 года в заштатном городке Бобринце: «... Тучи идут да идут мерным, холодным шагом. "Ужели не суждено мне видеть полного затмения!.. 1887 год далеко!.. Такая трава, — указывая на бурьян, — вырастет на могиле моей!.. " — негодует Ф.А. Облака как бы услышали мольбу учёного старика, как будто из сожаления к гениальному самоучке, несколько разрезились и позволили проглянуть бледному солнцу, по которому, заметно стало, начала двигаться тень луны. "Нуль!" закричал Семёнов торжественным голосом, — и распространившаяся темнота вознаградила астронома за его ожидания и труды, и те, и другие дорого купленные. Он перекрестился на восток два раза: с необыкновенным восхищением говорил всем и каждому о величественной картине и верности счисления. ... Вы сказали бы: это другой человек, — так изменилось сумрачно-тоскливое лицо его, на котором уже блистала радость. Словом: Семёнов был совершенно счастлив. ... Затмение прошло. ... Семёнов побрёл в свою квартиру, и уже возился с чемоданами, рассчитывая мимоходом, чего будет стоить проезд до Курска. ... И что же делать в Бобринце Семёнову? В Курске его ожидают машины, инструменты, в стеклянных ульях пчёлы, над которыми он усердно наблюдает...»¹⁵.

Что касается Ф.А. Семёнова, то при очень широком круге его интересов и увлечений в области естествознания и техники, он ничего не написал по историческому краеведению, что, должно быть, вполне понятно. Однако сама по себе фигура провинциального астронома, к суждениям которого прислушиваются коллеги-академики в Петербурге и Париже, оказалась настолько колоритной, что косвенно повлияла и на гуманитарные занятия его земляков. Можно полагать, что удивительный пример Ф.А. Семёнова способствовал тому, что в российской провинции середины

¹⁵ Цит. по: Москвитянин. 1851. № 21. С. 38.

прошлого века и последующих времён стали с несколько большим пониманием и уважением относиться к любительским занятиям отдельных земляков науками, техникой, журналистикой, краеведением.

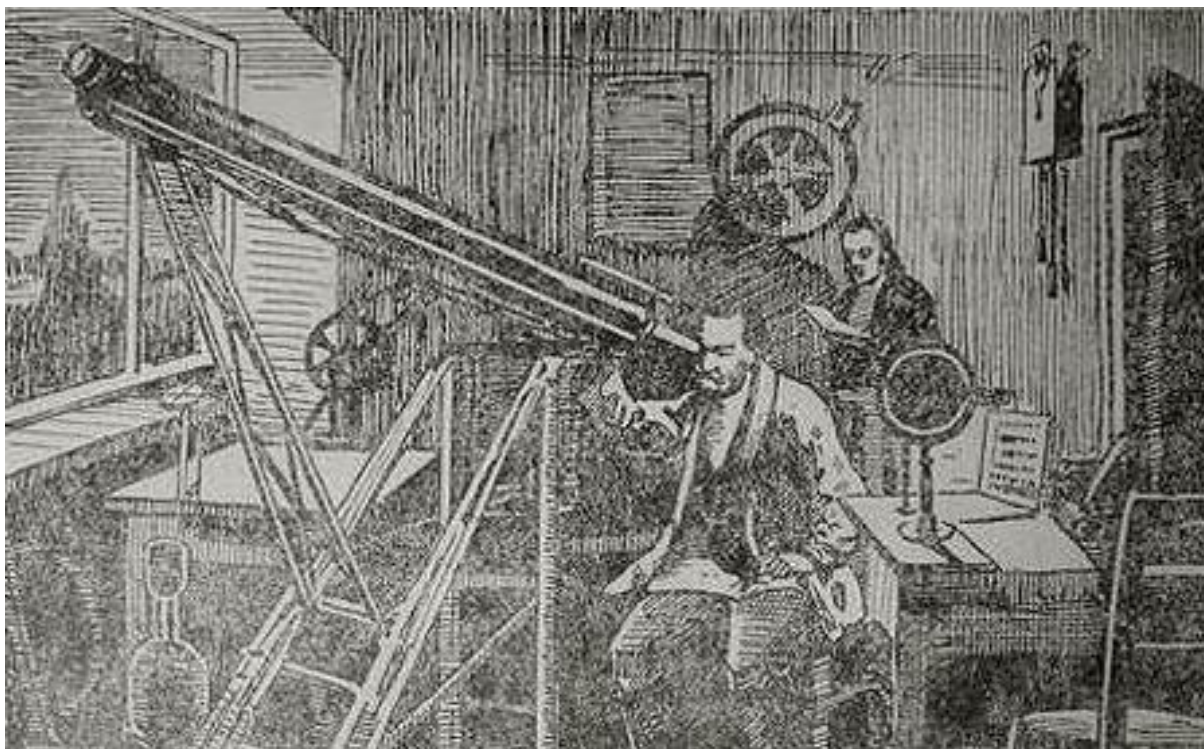
*Фёдор Алексе́евич Семёнов (1794–1860).
Портрет 1846 года. Из брошюры о нём 1850 года издания.*

Литературные способности, деловая хватка и податливость начальственной воле у редактора надворного советника А.М. Головащенко в конце концов удостоились награды в виде более высокой должности, но с переводом из Курска в Астрахань — советником губернского правления¹⁶. Там он продолжил историко-археологические изыскания в составе тамошнего Статистического комитета, бывши недолго его секретарём, удостоившись, в конце концов, чина статского советника¹⁷. После чего поток краеведческих публикаций в курской газете заметно и надолго оскудел. Повидимому, сказался не только образовавшийся дефицит краеведческих кадров, но и общегосударственный дух консервативных контрреформ 1880–1890-х годов, когда власти на местах особенно рьяно перестраховывались, зажимая просветительскую журналистику в угоду сплошному патриотизму и кондовому официозу. Сменявшие друг друга в среднем через год-другой редакторы губернской газеты ничем особенным на

¹⁶ См.: Список лицам, служащим по разным ведомствам в Астраханской губернии. Астрахань, 1869. С. 5.

¹⁷ См. ещё одну, посмертно опубликованную его работу: *Головащенко А.М. Земляные насыпи и городища в Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 4. Астрахань, 1875.*

поприще исторического краеведения себя не проявили: Н. Арендт ¹⁸, К.И. Удовиченко, А. Иванов, А. Островский, В. Кривцов, Никифоров, Фёдоров, С.Н. Бельченко (в то же время секретарь Губернского статистического комитета), Толмачёв, Холодов, Н. Зайцев, С.П. Корнилов, А.И. Попов и ряд других. Приятное для нынешнего историка и археолога исключение составляют два-три имени из этого в общем бесцветного ряда.

*Ф.А. Семёнов в своей самодеятельной лаборатории.
Картинка с сайта dddkursk.ru.*

Первое имя — И.И. Бесядовский. Две-три статьи этого курского чиновника, одно время тоже секретаря статистического комитета, до сих пор активно пересказываются диссертантами и преподавателями. Эти материалы посвящены музыкантам Курщины, ассортименту всероссийской Коренной ярмарки и даже такому немаловажному первоисточнику, как результаты однодневной переписи населения губернского центра и его пригородов ¹⁹.

¹⁸ Мне не удалось установить, кто именно из этой семьи обрусевших немцев занимался одно время курской газетой. Павел Фёдорович Арендт (1789 – после 1826), старший брат знаменитого императорского лейб-медика Николая Фёдоровича Арендта (1795–1859), работал в Курске в 1810-х годах штаб-лекарем.

¹⁹ См.: *Бесядовский И.* Однодневная перепись наличного населения города Курска и его подгородних слобод: Ямской, Стрелецкой, Казацкой и Пушкарной в 1865 году // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 2. Курск, 1866. С. 161–378; Коренная ярмарка в 1863 году // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 2. Курск, 1866. С. 30–10; *Его же.* Коренная ярмарка 1863 года // Курские губернские ведомости. 1866. 20 августа.

Второе и главное имя в истории курской журналистики позапрошлого столетия — *Анатолий Алексеевич Танков* (1856–1930)²⁰. Перед нами самый плодовитый и едва ли не самый способный историк Курска и курян дореволюционного периода. Он редактировал здешние «Ведомости» два раза — в 1888–1890 и 1905–1907 годах, то есть в особо сложных общественно-политических условиях. Как видно, в пору революционных и контрреволюционных потрясений губернаторы вспоминали этого педагога и журналиста с несколько либеральной репутацией... И Танков как редактор вновь и вновь заполнял страницы губернской газеты любопытными очерками по истории края, в большинстве случаев собственного сочинения. Причём с его авторским и редакторским участием источники краеведческих разысканий стали разнообразнее, документальнее; отношение к ним критичнее, объективнее; а слог изложения не столь казённым, как прежде.

*Анатолий Алексеевич Танков (1856–1930)
в мундире учителя курской Мариинской женской гимназии.
Архив автора.*

А.А. Танков писал, казалось, обо всём на свете: курских мотивах «Слова о полку Игореве» и колонизации Посеймья предками здешних

²⁰ См. о нём и его предках: *Амоскин А.С., Бугров Ю.А.* Танковы. Курск, 2003. 48 с. («Жизнь замечательных курян», вып. 6).

крестьян; участия курян в Отечественной войне 1812 года и Крымской кампании; родах и фамилиях губернского дворянства и декабристах из его среды; зарождении Коренной ярмарки и отмене крепостного права в губернии; первых пожарных командах здесь же; и так далее, и тому подобное. Пожелтелые ныне номера курской газеты за периоды его редакторства — истинный кладезь сведений для любителя краеведения, как и комплект «Ведомостей», выпущенных А.М. Головащенко. Их заметки не раз и не два пересказывались, чаще всего без ссылок на авторов, советскими краеведами всех поколений, авторами нескольких компилятивных «учебных пособий» по истории Курского края.

Могила И.Ф. Богдановича на Херсонском (Введенском) кладбище Курска. Современный вид. Фото Ю.В. Озерова из его работы «Курский некрополь» на сайте «Курск дореволюционный».

А теперь назовём имя третьего талантливого и плодовитого журналиста в пореформенном Курске. С 1893-го по 1898 год «Курские губернские ведомости» редактировал ещё один неординарный человек, энергичный краевед — *Тит Иоильевич Вержбицкий* (1845–1899). Выходец из бедной семьи рядового священника Подольской губернии. Недоучился в духовном училище. Лишённый по бедности родителей возможности получить образование, он сделал чиновничью карьеру по ведомству

Министерства внутренних дел, достигнув у себя на родине должности полицмейстера. На эту же должность его пригласил в Курск переехавший сюда из Подолии губернатор Виктор Вильгельмович фон Валь (1840–1915), который заменил множество курских чиновников «подольцами». Затем Т.И. Вержбицкий служил в Курске судебным приставом, стряпчим, советником губернского правления; секретарём Губернского статистического комитета; наконец, редактором Курских губернских ведомостей.

*Памятник Г.И. Шелихову (1747–1795) в Рыльске
у входа в городской сад, возле собора Успения Богородицы.*

*Оригинал работы скульптора И.Я. Гинцбурга уничтожен большевиками в 1920-е годы;
восстановлен в 1954 году скульптором В.И. Инталом. Фото автора.*

Он собрал коллекцию антиквариата, случайных археологических находок и старинных рукописей. Пожертвовал её музею при Киевской духовной академии, членом церковно-археологического общества при которой состоял. Сотрудничал в газетах и журналах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова. Предложил установить памятники поэту И.Ф. Богдановичу в Курске, купцу-землепроходцу Г.И. Шелихову в Рыльске; увековечить память астронома-самоучки Ф.А. Семёнова (городские метеостанция, публичная библиотека его имени). Автор нескольких

добротных работ по истории края, публиковавшихся в «Памятных книжках Курской губернии», составителем которых он сам и выступал ²¹.

В лице Т.И. Вержбицкого перед нами один из самых плодовитых и просвещённых в дореволюционном Курске историков-любителей. Пример того, когда формальное отсутствие образования, сугубо казённые занятия ради хлеба насущного не мешают способному и трудолюбивому провинциалу вовремя позаботиться о сохранности и публикации исторических источников, без его внимания наверняка утратившихся бы для потомства. Так, именно объявление в газете за сентябрь 1883 года о благотворительном спектакле в городском театре — ради сбора средств на возобновлении разрушенного кем-то памятника поэту Ипполиту Фёдоровичу Богдановичу (1743–1803), на его могиле — позволило этот памятник восстановить. Дальше средства собирали по подписке, что называется всем миром. Разбитый памятник был реставрирован в Киеве, мастером О.И. Островским и перенесён с кладбища в центр города, в городской сквер (ныне Первомайский парк), против здания присутственных мест. Инициатором и «мотором» всего проекта был Вержбицкий. В 1930-е годы большевики пустили монумент на мраморную крошку, небось, для собственных надгробий... А пьедестал вернулся на могилу поэта, где и ютится до сих пор.

Кроме губернской периодики, А.А. Танков и Т.И. Вержбицкий не раз публиковались в центральной прессе — газетах и журналах Петербурга, Москвы, Киева, Харькова. Во многом благодаря этим их публикациям курские сюжеты и персоналии отечественной истории — от Феодосия Печерского и «коломба русского» Г.И. Шелихова (из Рыльска) до автора фривольной поэмы «Душенька» и других стихов И.Ф. Богдановича (последние годы жизни жившего в Курске) и здешнего купца-астронома Ф.А. Семёнова получили всероссийскую известность.

Чтобы по достоинству оценить краеведческие труды провинциальных газетчиков того периода, необходимо принять в расчёт следующие обстоятельства. В пред- и пореформенной России *газетные статьи* играли куда большую роль *в структуре информационных коммуникаций*, особенно в области гуманитарного знания, нежели впоследствии и тем более сейчас. Научных монографий, как и популярных брошюр, журналов, календарей, вообще книжного товара в прошлом веке у нас в стране печаталось мало и почти всё — в столицах, старой и новой. Некоторые провинциалы выписывали кое-что из московской да петербургской периодики, но сами публиковались на её страницах скорее в виде исключения (как упоминаемые мной выше и ниже курские корреспонденты «Исторического вестника», «Живой старины», «Русских ведомостей», «Древней и Новой России»,

²¹ *Вержбицкий Т.И.* Курское наречие. Курск, 1892; Памятная книжка Курской губернии на 1894 год, составленная ... *Т.И. Вержбицким.* Курск, 1894 («Исторические заметки о городе Судже и его уезде», биография Г.И. Шелихова и др.).

«Киевской старины» и тому подобных изданий, более или менее публицистических, либо научных по меркам своего времени). «Губернские ведомости», таким образом, оказывались главным (а вплоть до 1890-х годов практически единственным) печатным органом, пока не начали выходить газетки, издаваемые частными лицами в коммерческих и политических целях, — вроде «Курской газеты», «Курского листка объявлений» и прочих более или менее периодических листков. Для представителей исторического краеведения тех времён на местах это было главное и единственное место публикации их наблюдений за прошлым и настоящим родного края (Если не считать ещё «Епархиальных известий», чей круг авторов и читателей оставался почти исключительно церковным, в лучшем случае околоцерковным).

В неофициальной части губернских газет помещались тогда «преимущественно исторические, статистические и топографические сведения, достопримечательные происшествия, необыкновенные явления природы, новейшие открытия по части наук, искусств и художеств...», «относящиеся более или менее до местности»²² соответствующей губернии или области. Эти страницы толстой, грубоватой на ощупь бумаги заполняли прежде всего перепечатки из столичных изданий (включая вполне академические по меркам своего времени статьи видных историков и археологов, сообщения об их работах). На втором месте по численности стояли пробы пера местных любителей и изыскателей старины. В итоге пухлые подшивки «Губернских ведомостей», включая курские, стали немаловажным источником разнообразной информации по истории, археологии, этнологии и географии отдельных регионов России.

К сожалению, историографически этот материал освоен ещё совершенно недостаточно. Из провинциальной периодики, как уже отмечалось нами, всегда извлекалось много фактических данных, особенно позднейшими авторами, однако подходящих оценок места и роли этого источника гуманитарных знаний в становлении отечественной науки и культуры долго не выносилось. Над рассматриваемой темой витали поспешное обобщение, поверхностное представление о некой вторичности, незначительности газетного материала по сравнению с текстами представителей профессорско-университетской корпорации, опубликованными в академических изданиях. В источниковедческой литературе встречаются уничижительные отзывы насчёт «Губернских ведомостей»: будто бы «обычно в них печатались распоряжения свыше, распоряжения губернского начальства, объявления. Жизнь края на их страницах почти не находила отражения»²³. Этот вывод неисторичен по своим мысленным предпосылкам и просто несправедлив по содержанию.

²² Курские губернские ведомости. 1848. № 49. С. 345.

²³ *Медведская Л.А.* Некоторые страницы из истории Курского края второй половины XIX века (по воспоминаниям профессора И.И. Чистякова) // Учёные записки 236

Пенять на журналистское зеркало прошлой жизни неблагоприятно. Тем более что двести и даже сто лет назад разница между наукой и публицистикой, исследователем и журналистом, учёным и краеведом была не столь резкой, как ныне. Да и в любую пору нельзя закрывать глаза на информационные каналы взаимосвязи теории и жизни, гуманитарной науки и общественного сознания. Историк, а тем более краевед пишут не только для сравнительно узкого кружка коллег, но и ради довольно (в разные периоды по-разному) широкого круга читателей. Тем более в России, породившей во многом неповторимый на Западе и на Востоке феномен интеллигенции с её духовными запросами, нравственными исканиями, реформаторскими обращениями к властям и к народу. Статьи на исторические темы всегда находили своего читателя — так или иначе образованного или, по крайней мере, грамотного, любознательного представителя того или иного сословия, поколения, места проживания. Иначе так называемого краеведения на российской почве не возникло бы. А оно возникло и расцвело пышным цветом.

Вполне закономерно, что вслед за специальными историографическими анализами исторических журналов России ²⁴

Курского государственного педагогического института. Т. 47. Вопросы истории и краеведения. Ч. 2. Курск, 1968. С. 84.

Советской историографии вторит современный историк: «Краеведческие публикации, которыми изобиловали «Курские губернские ведомости» за 1838 и (частично) 1839 годы, с начала 1840-х годов почти полностью исчезли со страниц главной и единственной тогда губернской газеты. Её неофициальную часть в это время составляли такие, например, материалы: ... "Простой способ лечения рака", "Об освобождении бочек от затхлости" ... и под.» (*Раздорский А.И.* Роль губернатора М.Н. Муравьёва в становлении курского краеведения в 1830-е годы // Сайт «Курск дореволюционный». Как будто в наши дни развлекательные и рекламные полосы сетевых листков, провинциальных газет и сайтов Интернета не переполнены точно такими же утилитарными да комичными сюжетами!.. Куда массовому читателю без них, и куда газете без него. А более или менее содержательные публикации по краеведению вернулись на страницы курской газеты сразу после николаевского царствования, о чём и рассказывается в этом параграфе моей книжки.

²⁴ См.: *Дмитриев С.С.* Русские исторические журналы по истории СССР // *Дмитриев С.С., Фёдоров В.А., Бовыкин В.И.* История СССР периода капитализма. М., 1961. С. 167–183; *Формозов А.А.* «Отечественные записки» — первый русский историко-археологический журнал // *Вопросы истории.* 1967. № 4; *Его же.* Тиражи исторических изданий первой половины XIX века в России // *Вопросы истории.* 1970. № 2; *Его же.* Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830–1860-х гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995; *Беляев А.С.* Историческая периодика XVIII–XIX вв. (Научно-аналитический обзор источников и литературы). Киев, 1988; *Киян А.И.* История Украины на страницах русской журнальной исторической периодики второй половины XIX – начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Киев, 1991; *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика. 1917 – середина 1930-х гг. М., 1989; *Мохначёва М.П.* В поисках «первого исторического журнала в России»: некоторые наблюдения и итоги // *Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков.* Брянск, 1996; *Ущиповский С.Н.* Отечественная история в зеркале отечественной

появились, наконец, соответствующие разборы газетных фондов, правда, пока что географически и хронологически локальные по выборке ²⁵. Простудировав по возможности все публикации, в том числе и «Курских губернских ведомостей», на предмет содержащихся в них сведений о различных древностях ²⁶, возможно (как я и предлагал в первом издании своей работы) внести определённую лепту в изучение темы: «История и археология России в зеркале губернской периодики».

Археологии (причём сразу первобытной, менее всего разработанной в ту пору даже в Западной Европе) на газетные полосы проложили в курской провинции путь *палеонтологические материалы*, время от времени помещаемые в «Губернских ведомостях» с самого начала их существования. Ещё в 1839 году, только начав выходить, газета печатает сообщение «О найденном близ города Щигров мамонтовом зубе» ²⁷. А в 1850 году некий инженер-капитан *Валериан Александрович Киприянов* (1818–1889) ²⁸ выступил на страницах той же газеты с весьма полной и вполне научной для того периода сводкой «Геогностическое обозрение пространства между Орлом и Курском» ²⁹. В Курск этот выпускник Института инженеров путей сообщения, работавший в Москве над водоснабжением и водным сообщением, попал в командировку — по инженерному надзору за строительством шоссе от Москвы до Крыма. Строительные работы, понятное дело, дали ему богатый ископаемый материал по геологии и палеонтологии.

журналистики: прошлое и современность. Материалы спецкурса // [Интернет-публикация] www.voeto.ru.

²⁵ См.: *Дейч Г.М.* «Губернские ведомости» как исторический источник // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. IX. М., 1978; *Дёмина Л.И., Мохначёва М.П.* История Отечества на страницах неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» // *История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской Учёной архивной комиссии)*. Киров, 1994; *Мохначёва М.П.* Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М., 1998; *Её же.* Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999; *Её же.* Журналистика и историческая наука в России 30–70-х гг. XIX в. (опыт источниковедения и историографии). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 2000.

²⁶ При этом см.: *Танков А.А.* Указатель важнейших статей, помещённых в «Курских губернских ведомостях» с 1839-го по 1890 год; *Стрельский И.Д.* Указатель важнейших статей, напечатанных в «Курских губернских ведомостях» с 1890-го по 1909 год // *Труды Курской губернской учёной архивной комиссии*. Вып. 2. Курск, 1915.

Указатель А.А. Танкова впервые опубликован: *Курский сборник*. Вып. 1. Курск, 1901.

Критерии «важности» при отборе публикаций для этих справочников соблюдались составителями весьма произвольно — немало интересных материалов по историческому краеведению из «Курских губернских ведомостей» они по разным субъективным причинам опустили.

²⁷ Курские губернские ведомости. 1839. № 27.

²⁸ Первая после моих словарных статей о нём публикация биографического характера: *Стародубцева И.Г., Сорока И.Л.* В.А. Киприянов — инженер, палеонтолог и геолог // *Известия высших учебных заведений. Геология и разведка*. 2016. № 6. С. 68–74.

²⁹ Курские губернские ведомости. 1850. № 6–9, 11–12.

А именно: при добыче фосфорита для отсыпки шоссе инженеру встретились многочисленные фрагменты ящеров, рыб, моллюсков, губок ³⁰.

*Инженер и палеонтолог Валериан Александрович Киприянов (1818–1889).
Фото из статьи И.Т. Стародубцевой, И.А. Сороки.*

В кабинете ископаемых редкостей, которые собирал автор статьи, помимо минералов и прочих геологических экспонатов, были представлены окаменевшие, минерализованные («фоссильные» ³¹) зубы и другие кости «допотопных существ», найденных на вышеозначенной территории. Её он лично исходил в геологических экскурсиях (причём, что характерно для наметившейся тогда научной специализации и вообще пафоса

³⁰ См.: Киприянов В.А. Геологические исследования в Орловской и Курской губерниях // Записки министерства путей сообщения. Т. XX. СПб., 1885; *Его же*. Палеонтологические исследования // Там же. Т. XXII. СПб., 1886. Несколько палеонтологических статей поместил во франкоязычном «Бюллетене Московского общества испытателей природы» и немецкоязычных «Записках Императорской Академии наук» за 1881–1883 годы.

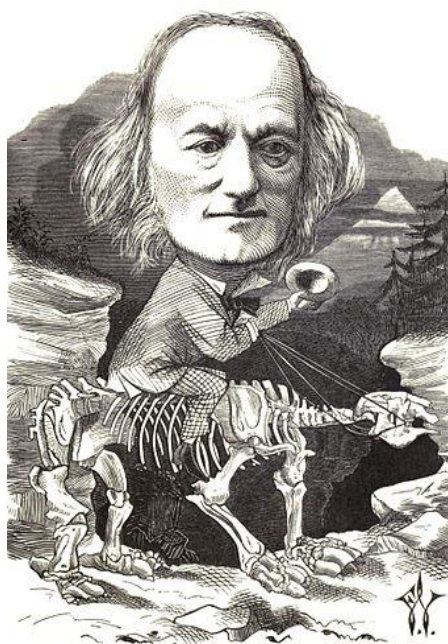
³¹ Лат. *fossilis* — ископаемый. Имеются в виду ископаемые останки растений и животных в виде листьев и стволов; раковин, зубов, других костей, чешуи и тому подобного.

естествознания в духе тургеневского Базарова, не упоминает ни слова о несомненно встречавшихся на его путях городищах и курганах. Между тем местные жители, простые крестьяне, эти памятники прекрасно знали и понимали, в принципе, верно — как старинные могилы да заброшенные в древности поселения).

Курские находкигодились Киприянову и как педагогу — он преподавал геогнозию в строительном училище; и как редактору «Журнала министерства путей сообщения». Он состоял также членом Императорского Московского общества испытателей природы (основанного в 1805 году, с 1807 — Императорское) при Московском университете и переписывался с секретарём этого общества Карлом Францевичем Рулье (1814–1858). Этот знаменитый натуралист, вероятно, и подал курскому любителю науки добрый пример газетных популяризаций естествознания — в 1847 году профессор Рулье опубликовал в «Московском городском листке» «литологическое описание московских песчаников». А Киприянов вслед напечатал описания окаменелых остатков ихтиофауны юрского и мелового периодов чернозёмной геологии и потому тоже может считаться одним из основоположников российской палеонтологии.

Тут надобно отметить, что так называемая натуральная история за первую половину XIX века обрела особенную популярность и в академических кругах, и в глазах широкой читающей публики. Крен умонастроений русского образованного общества в область природоведения был связан, должно быть с общим ходом частичной секуляризации, вообще рационализации общественного сознания; медленной, но верной вестернизации городской жизни и быта, долгожданной модернизации экономики. Среди дворянства росло увлечение садово-парковой архитектурой, усадьбы превращаются в некие модели окультуренного мироздания, примеры чего в изобилии подавали Англия, Франция и Германия. Русские дворяне и прочие образованные лица уже довольно массово посещали западноевропейские страны не только как туристы или пациенты, но и как слушатели университетских лекций. Тот же Киприянов подолгу стажировался во Франции и в Англии, где стал ревностным последователем знаменитого натуралиста, палеонтолога Ричарда Оуэна (1804–1892). Про того говорили, что он способен по одной косточке воссоздать весь скелет ископаемого существа. Так оно и было.

Естественнаучные данные всё активнее переструктурируют гуманитарное сознание европейских интеллектуалов в духе философского пантеизма, гармонии и величия сущего Космоса. Соответствующие идейные веяния из университетских центров irradiировали в российскую провинцию, и к началу великих реформ русского общества его интеллектуалы уже довольно широко пропитались духом классического рационализма.

*Карикатура Фредерика Вадди на Ричарда Оуэна. 1873 год.
С сайта Википедии.*

Тему «Об ископаемых в Курской губернии»³² подхватил другой курянин — гимназический врач *Владимир Константинович Гутцейт*. Его толковые очерки на сей счёт в «Губернских ведомостях» привлекли «благосклонное внимание господ академиков Эйхвальда³³ и Гельфсона, профессоров Гибельса, Клауса³⁴ и Рулье» из Петербурга и Москвы. Этим столичным авторитетам он отправлял на показ свои геологические находки, пользовался их консультациями. Однако курский любитель естествознания на, казалось бы, политически вполне невинном поприще испытания природы сумел проявить опасную для себя и даже не только для одного себя инициативу. То, к чему Западная Европа по привычке со времён научной революции XVII века, в патриархальной матушке России оказалось чревато идеологическим и политическим скандалом.

³² Курские губернские ведомости. 1850. № 16. С. 136–139; № 17. С. 140–146.

³³ *Карл Эдуард (Эдуард Иванович) Эйхвальд* (1795–1876) — балтийский немец родом, русский врач, естествоиспытатель-энциклопедист, зоолог и палеонтолог; автор труда «Палеонтология России» в 2 частях (1854, 1861), с переводом на французский язык. Ряд лет служил профессором Виленской медико-хирургической академии.

³⁴ *Карл Эрнст (Карл Карлович) Клаус* (1896–1864) — из балтийских немцев; русский химик (первооткрыватель химического элемента рутения, названного в честь России), ботаник и фармацевт; член-корреспондент Императорской Академии наук (1851).

*Эмблема Московского общества испытателей природы.
С сайта МОИП.*

Предшественник и напарник курского педагога столичный инженер Киприянов, отмечая мимоходом «остатки огромных первозданных слонов», то есть мамонтов в курской земле, не сопоставлял времени их жизни и обстоятельств гибели с историей людей. Гутцейт же оказался любознательнее, логичнее и, должно быть, смелее. Найденные в селе Посошкове и некоторых других местах губернии зоологические окаменелости — зубы, рёбра, позвонки значительной величины, необычной конфигурации им «относятся к некоторым родам огромных ящеров и акул, обитавших берега и глубины морей, которые в доисторические времена покрывали своими водами и нашу губернию»³⁵, — объяснял просвещённый медик православной публике, воспитанной на Ветхом завете с его семью днями творения мира Богом-Саваофом из первоначального хаоса. А «у нас, в Курской губернии, — с энтузиазмом добавлял учитель, — из четвероногих [ископаемых — С.Щ.] более всего найдены слоны (мамонты) и носороги»³⁶. В палеонтологических сборах Гутцейта оказалось довольно много разной величины обломков мамонтовых костей — бедренных, берцовых, плечных, лопаточных, челюстных; шейных, хребтовых позвонков; зубов и бивней. Забегая вперёд, заметим: читай будущие археологи — искатели следов палеолита на курской земле затерянные в «Губернских ведомостях»

³⁵ Гутцейт В.К. О некоторых фоссильных зубах, найденных в Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1851. № 7. С. 64.

В интернет-списках георгиевских кавалеров Германской войны за 1915 год фигурирует прапорщик Виктор Владимирович Гутцейт, 57 пехотного Модлинского полка. По редкости фамилии могу предположить родство со своим персонажем курской историографии.

³⁶ Курские губернские ведомости. 1850. № 16. С. 138.

публикации Гутцейта, они бы нашли эти следы куда быстрее и увереннее, чем это случилось уже в начале XX века, а затем повторно в 1930-е годы.

Полбеда, пока курский натуралист вёл речь о «первозданных слонах Старого света». Незадача вышла с его дерзким по тогдашним русским условиям выводом о появлении человека на Земле позже этих ископаемых зверей. «Остатки человека не встречаются ... даже в собственно третичных почвах, а попадают в новейших наносах. Следовательно, ... человек явился на свет как самое позднейшее из творений, около 7000 лет до нашего времени, т.е. вообще после осадения тех слоёв земной поверхности, в которых погребены ископаемые. И так возраст этих последних превышает в самых высших слоях третичного периода вообще 7000 лет, или по крайней мере 5000 лет, считая от эпохи библейского потопа, происшедшего, как надо полагать, от воздымания горных систем Средней Азии»³⁷.

Последнее предложение в процитированном отрывке из статьи Гутцейта в том экземпляре газеты, что хранится в Государственном архиве Курской области, вычеркнуто теми же чёрными чернилами, какими в данной подшивке начертаны редакторские визы: «Печатать», «Утверждается», «Вице-губернатор».

Кроме богословски сомнительных рассуждений о возрасте ископаемых животных, исполнявший обязанности цензора снял (как видно по таким же чернильным зачёркиваниям в редакционном экземпляре газеты) пассаж самодеятельного геолога-экскурсанта насчёт курских «копачей» — добывателей строительного песчаника-«саморода» из пригородной деревни Поповки (ныне уже в черте областного центра). Эти рискованные мужики, опасаясь обвалов в их глубоких и извилистых выработках по высокой террасе над рекою Гускарью, старались спускаться туда как можно реже, только при острой нужде в денежном приработке. Оправданием же безделья перед жёнами им безотказно служили многочисленные церковные праздники. «Так курчанин и на основании религиозных начал умеет поощрить свою леность...»³⁸ — и эту фразу губернский блюститель печати посчитал крамольной, убрал её из наборного оттиска. Между прочим, под самодельные светильники курские «копачи» нередко использовали окаменевшие раковины или акульки позвонки, попадавшиеся им в выбираемом на пути к твёрдому железняку мягком мергеле.

Однако предусмотрительные поправки местного наблюдателя за благонамеренностью губернской газеты в этом случае оказались недостаточны. Хотя прямых выпадов против библейской версии сотворения первого человека Адама Богом Киприянов и Гутцейт не допускали, повторяя фразы о «сотворении» ископаемых форм флоры и фауны, но они на весомых примерах конкретных находок демонстрировали сложную эволюцию растений и животных по вполне естественным законам (хотя приводимая

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. № 9. С. 76.

ими периодизация геологических периодов генезиса биосферы Земли и отличалась несколько от той, что утвердилась потом в науке).

На беду первых палеонтологов России Николай I в революционном для Западной Европы 1848 году учредил «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений. Игнорирования ветхозаветного мифа оказалось достаточно для того, чтобы уже через два месяца после курских публикаций упомянутый комитет по делам печати под председательством Дмитрия Петрович Бутурлина (вскоре скончавшегося)³⁹, координировавший с 1848 года цензуру по всей стране, забил тревогу. 27 июня 1850 года министр внутренних дел граф Л.А. Перовский⁴⁰ конфиденциально писал по поводу рассматриваемой публикации министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову⁴¹: «...Не входя в рассмотрение этой статьи с точки зрения науки, остановимся на ней собственно как на статье популярной (так называет её сам автор на стр. 146) и помещённой в "Губернских ведомостях"; рассматривая же её в сих видах, не мог не обратить внимания, что в ней мироздание и образование нашей планеты и само появление на Земле человека изображаются и объясняются по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласных с космологию Моисея в его книге Бытия. Это замечание навело комитет на мысль, что в предупреждение печатания в "Губернских ведомостях" статей, подобной рассматриваемой ныне, и вообще требующих или высших соображений, или особых специальных познаний, может быть, полезно было бы неофициальную часть сих "Ведомостей" подчинить, вместо теперешнего просмотра одним губернским начальством, общей цензуре, а в нужных случаях, и рассмотрению учебного начальства»⁴².

³⁹ *Дмитрий Петрович Бутурлин* (1790–1949) — гусар, кавалергард, генерал-майор (с 1824), военный историк; герой Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, русско-турецкой войны 1829–1829 годов; директор Императорской Публичной библиотеки (с 1842).

⁴⁰ Граф (с 1849) *Лев Алексеевич Перовский* (1792–1856) — ветеран Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии; генерал от инфантерии (с 1855); правительственный деятель, приближенный к императору Николаю I; глава Комиссии по исследованию древностей (с 1850); один из организаторов российской полевой археологии, наставник графа А.С. Уварова по части начала раскопок; собранная им богатая коллекция минералов, античных древностей и монет после его смерти куплена Императорским Эрмитажем.

⁴¹ Князь *Платон Алексеевич Ширинский-Шихматов* (1790–1853) — писатель, правительственный деятель правления Николая I; действительный член Императорской Академии наук (1841). Ветеран Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов русской армии.

⁴² РГИА. Ф. 772. Оп. 5. Д. 149671. Цит. по: *Райков Б.Е.* Дело Владимира Гутцейта // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4. История биологических наук. М., 1955. С. 384–389.

*Дмитрий Петрович Бутурлин. 1830-е годы. Неизвестный художник.
Репродукция с сайта «Декабристы».*

Ширинский (недаром названный А.С. Пушкиным в известной эпиграмме одним из «тройки супостатов уму») моментально согласился с бдительным царедворцем Перовским и предложил там, где нет специальных учреждений цензуры, возложить её функции на училищных чиновников, то есть губернских педагогов, в основном гимназических. В марте 1851 года этот проект был одобрен комитетом министров и «высочайше» утверждён Николаем I. Цензурная сеть ещё гуще окутала Российскую империю. Под недреманное око хранителей «самодержавия, православия и народности» попала ещё и неофициальная часть «Губернских ведомостей» — в то время, напомним, единственных газет, издаваемых в российской провинции. Так верхушка бюрократической пирамиды государства отреагировала на популярную статью скромного любителя естествознания из захолустного Курска.

Переход от подобных гонений на передовую науку и просвещение к официальному сбору древностей эпохи камня — частная, но показательная примета вынужденных реформ русского общества в 1860–1870-е годы. После чего уже мог Алексей Константинович Толстой в публичном «Послании к М.Н. Лонгинову⁴³ о дарвинизме» заявить:

«Всход наук не в нашей власти,
Мы их зёрна только сеем;
И Коперник ведь отчасти

⁴³ *Михаил Николаевич Лонгинов* (1823–1875) — литератор, историк литературы, государственный деятель; на пике служебной карьеры — начальник Главного управления по делам печати (1871–1874).

Разошёлся с Моисеем. ...
Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати»⁴⁴.

Попутно оговорю, что во Льве Алексеевиче Перовском на основании цензурного эпизода с Гутцейтом не стоит видеть заурядного реакционера, каких всегда немало толпилось у российского трона. Этот сановник организационно обеспечил начало крупномасштабных археологических раскопок в нашей стране, зачислив в свою свиту с такими полномочиями юного графа А.С. Уварова и обеспечив казёнными средствами его первые экспедиции. Помимо прочего, перед нами дядя и заботливый опекун будущего великого писателя (поэта, прозаика и драматурга) А.К. Толстого, который мною здесь цитируется, и неоднократно.

Да и в описанном случае с курскими натуралистами никаких репрессий к виновникам общегосударственного переполоха применено, судя по всему, не было. Гутцейт продолжал служить какое-то время в Курске (формулярного списка этого медика в соответствующих фондах Государственного архива Курской области мне отыскать, к сожалению, не удалось). Его статью о климате и заболеваниях в Курской губернии опубликовал «Русский медицинский журнал» на немецком языке⁴⁵ — орган Дерптского университета, питомцем коего, по всей вероятности, являлся Гутцейт. Волею своего характера и судьбы этот человек пробил первую брешь в российской цензуре на внебиблейские представления о начале человеческой истории⁴⁶.

Кроме статей, Киприянов и Гутцейт совместно сделали в «Курских губернских ведомостях» «учёное объявление» (адресуясь прежде всего к «господам помещикам») с просьбой передавать в их коллекцию или просто на определение ископаемые окаменелости. «Курская губерния, — поясняли энтузиасты естественнонаучного краеведения, — заключающая в недрах своих замечательное богатство органических остатков первобытного мира, никем ещё до сих пор не была исследована с должным вниманием ... в отношении этой любопытной отрасли естествознания»⁴⁷.

К сожалению, особенно интересные для темы моей работы археологические моменты палеонтологии — кремнёвые орудия и прочие

⁴⁴ Толстой А.К. Собр. соч. Т. I. Стихотворения. М., 1963. С. 427–428.

О взаимоотношениях А.К. Толстого с его дядей и официальным опекуном Л.А. Перовским см.: Стафеев Г.И. Под краснорогским небом. Краеведческие заметки. Брянск, 1994.

⁴⁵ Medicinische Zeitung Russlands. 1851. № 26–32.

⁴⁶ См. подробнее: Формозов А.А. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) // В его кн.: Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 175–202.

⁴⁷ Курские губернские ведомости. 1850. № 7. С. 63.

вещественные следы сосуществования человека и мамонта в бассейне Сейма — остались поначалу вне внимания курских любителей старины, на чьей земле уже в первые годы следующего, XX века оказались случайно обнаружены богатые подобными находками стоянки первобытных людей не то что 7000, как предполагал Гутцейт, но и 20000-летней давности⁴⁸. В той коллекции ископаемых и минералов, что накапливалась всю вторую половину прошлого века в курской гимназии, палеолитические материалы, судя по сохранившимся каталогам, отсутствовали⁴⁹. Нет их и среди случайных находок четвертичной фауны, попадавших из Курска в центральные научные учреждения того времени⁵⁰.

Тем не менее первыми собственно геологическими материалами из Курска их собиратели распорядились как нельзя лучше. Среди экспонатов, с которых наш выдающийся геолог А.А. Иностранцев начинал создание геологического кабинета (в будущем музея) Петербургского университета, он упоминает «довольно значительную коллекцию, подаренную университету Киприяновым. Это окаменелости северского [то есть собранного на территории летописной Северной земли на Левобережье Днепра — С.Щ.] остеолита (фосфорита⁵¹)»⁵². Как видно отсюда, курские находки Киприянова оказались сохранены для науки, несмотря на вспышку цензурного произвола. Перед нами один из первых для нашей страны эпизодов неизбежного и плодотворного сотрудничества столичных академиков и провинциальных любителей науки. Первые не могут охватить планетарное пространство возможных находок «своих» древностей, а вторые нуждаются в компетентных консультациях относительно того, что же именно они нашли, как и где это лучше сохранить, изучить. В том же Курске простые работяги — добытчики минерального сырья сотни лет рылись в горных породах, дивясь попадавшимся им диковинным костяшкам, пока образованные инженер и зоолог не признали в их находках ископаемые

⁴⁸ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Первые находки останков курских мамонтов и окончательное открытие С.Н. Замятниным палеолита на Сейме // *Археология Чернозёмного центра России: история исследований, историография.* Материала региональной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999. С. 19–23.

⁴⁹ См.: *Опись минералогического кабинета Курской губернской гимназии; Опись ископаемых, пожертвованных бывшим курским гражданским губернатором С.И. Лесовским // ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 12.*

⁵⁰ См. ещё: *О двух зубах мамонта, найденных в деревне Баска Курского уезда, принадлежавших в 1865 году Е.И. Шумакову // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1859 года. Д. 24. Л. 9–13.*

⁵¹ Фосфоритами именуют минеральные образования в виде линз, пластов, желваков и конкреций, находящихся в осадочных горных породах. Среди фосфоритов преобладают апатиты (фосфат кальция), обычно с примесью глины; карбонаты (соли угольной кислоты вроде поташа) и тому подобные геологические образования в виде доломитов, известняков и похожих горных пород.

⁵² *Иностранцев А.А.* Воспоминания (Автобиография). СПб., 1998. С. 81.

следы древнейшей жизни на нашей планете и не сохранили их для науки и просвещения.

Кроме собственно внутринаучной ситуации с довольно туманными по всему тогдашнему миру представлениями о древнейшем человеке, в особенности на территории нашей страны, на провинциальные умы в то время явно влияли социокультурные, даже прямо политические факторы. То и дело свирепела цензура, в том числе та, что называется внутренней для самого человека. После прогремевшего на всю Россию случая с оскандалившейся статьей Гутцейта курские педагоги даже естественную историю (то есть начала естествознания) клонили «к возбуждению религиозного чувства» (как учитель ботаники А.М. Мизгер докладывал директору училищ губернии Даниилу Григорьевичу Жаворонкову ⁵³). Если при этом учесть реконструированную А.А. Формозовым идеологическую обстановку с открытием палеолита в России ⁵⁴, то можно только пожалеть об упущенном курянами приоритете по этой части археологии. Первое поселение эпохи камня было разведано в Европейской России в 1873 году у села Гонцы по соседству с Курщиной — на Украине.

Хотя полицейских мер против газеты в итоге описанной истории принимать вроде бы не стали, устную нахлобучку её редактор очевидно получил. Это заметно по изменениям в содержании неофициальной части его «Ведомостей». Ещё в марте 1850 года, до «гутцейтовской истории» А.М. Головащенко пропускал в печать сомнительные с библейской точки зрения естественнонаучные материалы. Так, даже в таком внешне идеологически невинном очерке, как «История и физиология лошади», редактор неосторожно сталкивал науку и религию. Дескать, «допотопное существование этого животного доказывается окаменелыми конскими скелетами, находимыми в пластах Европы, Азии и Африки вместе со скелетами других четвероногих: бегемотов, слонов, носорогов, лосей и проч.» ⁵⁵. Тогда как «в книгах Моисея упоминается об одних только египетских лошадях ... за 1650 лет до Р[ождества].Х[ристовой].» ⁵⁶. Что ж, для того российского времени процитированное умозаключение вполне научное, прогрессивное и смелое. Но, как тут же выяснилось, преждевременное.

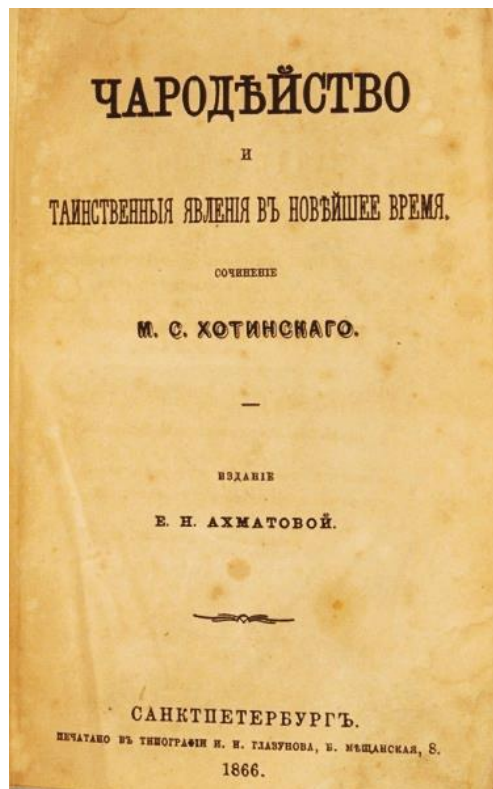
⁵³ Переписка о введении естественной истории в гимназическом образовании // ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 18. Л. 31.

Даниил Григорьевич Жаворонков (1819–1901) — смотритель народных училищ Курской губернии (с 1852 года); более полувека служил директором женской мужской и основанной им женской Мариинской гимназий в Курске.

⁵⁴ См.: *Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

⁵⁵ См.: Курские губернские ведомости. 1850. № 10. С. 85.

⁵⁶ Там же. С. 86.

*Титульный лист последнего издания М.С. Хотинского.
Иллюстрация лота на интернет-аукционе «В Никитском. Дом антикварной книги».
Стартовая цена 18–20 000 рублей.*

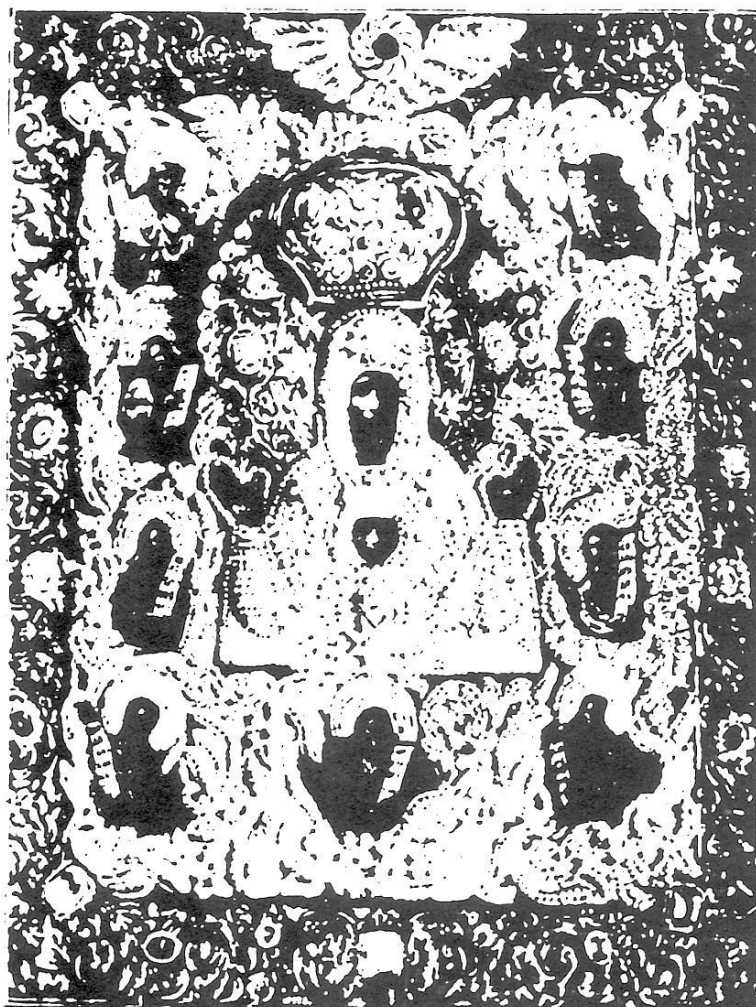
Ведь уже в июне того же года тот же редактор спешно перепечатывает из официозного «Журнала министерства народного просвещения» статью некоего Матвея Хотинского⁵⁷ «О системе мироздания». В ней защищается «рассказ Боговдохновенного Повествователя, над которым ещё так недавно глумились вольнодумцы» (вроде курских учителей); делается вывод о полном соответствии данных геологии и астрономии «истинам, преподанным нам Моисеем»⁵⁸.

Замаливая невольный грех с палентологией, «противной Моисею», А.М. Головашенко со второй половины 1850 года и до конца своего редакторства резко расширил на газетных страницах церковно-православную тематику. И первой с его лёгкой руки именно тогда пошла в широкий читательский оборот адаптированная журналистом *церковная история Знаменского монастыря и его главной святыни — Коренной иконы*

⁵⁷ Матвей Степанович Хотинский (1813–1866) — публицист, сотрудник «Журнала министерства народного просвещения» и многих других органов повременной печати. Автор книжек по оккультизму и мистике («Алхимия и её адепты», 1855; «Рассказы о тёмных предметах, о волшебстве, о натуральной магии и прочем и прочем», 1861; «Чародейство и таинственные явления в новейшее время», 1866). Как видно, синодальному православию потребовалась идейная поддержка этого мистика не лучшего сорта.

⁵⁸ Хотинский М. О системе мироздания // Курские губернские ведомости. 1850. № 27. С. 231–232.

Богоматери Знамение, обретенной курянами якобы в 1295 году при «рыльском князе Шемяке»⁵⁹.

Чудотворная икона Знаменской Божией Матери, спасшая 8-го марта 1494 г. отъ взрыва въ Знаменскомъ соборѣ, въ Курскѣ.

Икона Знаменія Божіей матери (Курская Коренная).

Фото оригинала до покушения на него в 1896 г. По кн.: Живописная Россия, 1897.

Найдись у Головашенко больше времени и желания, не будь он так напуган невольно допущенной на редакторском посту «крамолой», он мог бы уточнить по изданным к его времени летописям, да и трудам историков, о каком из представителей княжеского рода Шемяичей допустимо вести речь в затронутом полуполюгендарном сюжете. Как известно, основоположник соответствующей династической линии, князь звенигородский и галицкий Дмитрий Юрьевич Большой, прозванный Шемякой (очевидно, за высокий рост и физическую силу — дескать, был способен любому намять шею), — активный участник междоусобной войны на Руси XV века. Успев побывать

⁵⁹ А.Г.[оловашенко]. Чудотворная икона Знаменія Божіей матери, называемая Курская // Там же. 1850. № 37–38.

великим князем Московским, он оказался отравлен в 1453 году ⁶⁰. Поэтому физически не мог участвовать в событиях конца XIII века, да ещё у кромки юго-восточной Степи, о коих совершенно голословно заявляется постлетописной «Историей о городе Курске» и его чудотворной иконе. А вот сын Шемяки I — Иван Дмитриевич, бежавший в Литву от преследований со стороны великого князя Василия Васильевича в 1454 году, получил там от Казимира IV «в кормление» именно Рыльск и Новгород-Северский, куда «тянул» тогда и захиревший Курск ⁶¹. Умер этот Иван Шемячич между 1471 и 1485 годами. Внук же упомянутого первым Шемяки — Василий Иванович, когда в Литве при короле Александре усилились гонения на православие, возвращается со своим рыльским уделом на службу Москве с 1500 года. Однако московский князь Иван III, возведя и на этого Шемячича обвинение в изменнической связи с Литвой, вызвал его к себе в столицу и заключил в тюрьму, где он и скончался «заточником» аж в 1529 году.

Именно на то время пришёлся, между прочим, «девятый вал» набегов из образованной как раз тогда Крымской Орды на Литву и Русь. Поминаемый курской повестью о чудотворной иконе рыльский поп Боголюб (имя которого отдаёт былинным духом), вполне мог быть пленён, но *крымскими* татарами; именно при хане Менгли-Гирее (на престоле с 1467-го по 1515-й, с перерывами), враге Казимира IV (1440–1492) и союзнике московского князя Ивана III. От двора этого последнего в Крым отряжалось немало посольств для заключения и продления мирных договоров. Кем-то из этих русских послов — боярином Беклемишевым, князьями Ромодановским, Шеиным, Ноздреватым или другими действительно мог быть выкуплен из крымской неволи означенный Боголюб или его жизненный прототип. Между прочим, в одной из грамот, посланных Иваном III Менгли-Гирею, за 1487 год, в качестве места встречи крымского и московского послов предлагается «Курское городище», что «на Семи, ниже Гусина брода, на усть Ревута реки» ⁶². По археологическим данным ⁶³, здесь действительно

⁶⁰ Жизнеописание исторического Шемяки см., в частности, в кн.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991; *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.

⁶¹ Обзор источников и мнений историков относительно судеб города Курска в монгольско-литовский период истории Днепровского Левобережья см. в моих статьях: *Щавелёв С.П.* Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, 1999. С. 10–15; *Его же.* Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвящённой 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 106–108.

Иной взгляд на судьбы и географическое расположение города Курска в позднем Средневековье см. в кн.: *Загоровский В.П.* Проблемы исторической географии Центрального Черноземья // *Историография и источники по исторической географии Центрального Черноземья.* Курск, 1989.

⁶² Сборник Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 58.

⁶³ Сообщённым мне курским археологом Александром Николаевичем Апальковым, за что я в очередной раз его благодарю.

существовало сравнительно позднее, явно не домонгольское укрепление. Скорее всего, именно пограничная «сторожа» Московского государства. Так что последняя четверть XV столетия, судя по приведённым фактам, документальным и археологическим, — вот самая ранняя *возможность* произойти тем событиям, что эпически бездоказательно сообщаются всеми рассказами о Коренной иконе и одноимённом монастыре в Курске.

Сохранить же все отмеченные реалии XV–XVI веков, а саму находку чудесной иконы сдвинуть на два века назад, в прошлое — ко временам батыева нашествия, мог только человек, совершенно незнакомый с отечественной историей, то есть, попросту говоря, малограмотный, или же сознательно ею пренебрегший. В случае с кающимся в антибиблейской «крамоле» историком-любителем А.М. Головашенко позволительно предположить только второе.

Как видно из приведённой, доступной любому гимназисту справки, именно и только во второй половине XV – начале XVI столетия *могли* произойти события, послужившие предпосылкой «Повести о граде Курске» (иные названия (разных списков) того же памятника: «Сказание о Курской иконе Знамения Богородицы»; «Курский летописец»). А.М. Головашенко, первым сообщивший об этом произведении широкой публике со страниц губернской газеты, вполне мог бы сопроводить эту публикацию нехитрой текстологической справкой (таковые не замедлили появиться, причём в самих церковных изданиях ⁶⁴). А именно, повесть о Коренной реликвии относится к жанру постлетописных сочинений, посвящённых чудотворным иконам, что оказались найдены и осбоочтими в разных областях страны. Курская «Повесть» дошла до нас в нескольких списках (сегодня их известно восемь); они различаются между собой во многих моментах изложения. Их сравнение позволяет предположить, что самая пространная редакция памятника составлена в 60-е годы XVII века; явно жителем Курска; скорее всего, одним из служителей Знаменского монастыря, имевшим доступ к его архиву ⁶⁵.

Весьма показательны те примечания, которыми сопровождалась последующая перепечатка обсуждаемой легенды в «Курских епархиальных ведомостях» (КЕВ), правда, уже за 1912 год — не только пореформенный, но и послереволюционный. Оставшийся анонимным автор (судя по стилю и тематике этих очерков — преподаватель Курской духовной семинарии Николай Петрович Сенаторский, о котором у нас речь пойдёт ниже, в следующих главах), проявлял по обсуждаемому сюжету разумный

⁶⁴ См.: Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 32. С. 900–901; № 34. С. 988; *Евсеев И.Е.* Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах // Сборник Орловского церковно-археологического комитета. Т. I. Орел, 1905.

⁶⁵ См. подробнее: *Багaley Д.И.* Повесть о граде Курске и о Знаменской иконе Божией матери // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 год. Курск, 1987. С. 258–271; *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2. Курск, 1997. С. 22–24; *Раздорский А.И.* Повесть о граде Курске // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 298–299.

объективизм: «Если бы 1295 год подлинно был годом явления Курской иконы Божией Матери, то он значился бы во всех рукописных списках “Повести”, трактующей об этом явлении. В действительности оный год не отмечен в нескольких списках “Повести” [ранних, а также поздних, но составленных вне Курска — С.Щ.], по крайней мере, его не имеется в тех из них, коими пользовался автор. В них лишь неопределённо указывается монгольская эпоха как время сего события. Правдоподобным посему является предположение об интерполяции [т.е. позднейшей вставке — С.Щ.] в “Повести” 1295 года. Тем более, что последний стоит в непримиримом противоречии с помещённым в ней же рассказом о рыльском князе Шемяке (вернее Шемячиче) как современнике чудесного обретения Курской иконы Знамения. ... Столь же несостоятельны в историческом отношении сообщаемые ею сведения о св. митрополите Петре, [якобы] просиявшем иноческими подвигами под Курском, на реке Рати, и основавшем там монастырь, или же о восстановлении Курска царём Фёдором Ивановичем по религиозным соображениям. ... К восстановлению Курска сего благочестивого царя побудило не религиозное чувство, а соображения государственного характера; об основании же митрополитом Петром Ратского монастыря на Волыни, а не под Курском, согласно говорят все церковные и гражданские историки. ... Автор “Повести” был курянин и жил в XVII веке. Можно предположить, что он умер после 1675 года, потому что в некоторых списках “Повести” рассказывается ещё о чуде, бывшем в этом году»⁶⁶.

Как было видно любому непредубеждённому читателю курской прессы, процитированные замечания церковного историка вполне резонны и всё в хронологии чудесной находки и её псевдолетописного описания расставляют по своим местам. Однако благочестивое сознание многих верующих православных и тем более корпоративные мотивы большинства церковных идеологов наших дней герметичны по отношению к историческим фактам и логическим аргументам. С лёгкой руки Головашенко произвольный домысел кого-то из курских монахов — хроникёров Знаменского монастыря получил в глазах многих краеведов, включая советских и современных российских, статус первоисточника и благополучно просуществовал до наших дней. Пресловутая дата обретения Курской иконы — «8 сентября 1295 года» появилась в текстах данного памятника лишь в XVIII веке, когда «Повесть» переписывали и произвольно редактировали в Знаменском монастыре. Из этих поздних редакций памятника её извлекли первые «описатели Курского наместничества» (см. выше третий параграф первой главы моей книжки), а уже благодаря их публикациям версия о легендарной древности реликвии распространилась в

⁶⁶ Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // Курские епархиальные известия. 1912. № 32. С. 900–901; № 34. С. 988.

церковной и светской литературе по краеведению. Ни в протографе, ни во внекурских редакциях памятника такой датировки нет ⁶⁷.

*Памятный знак в честь «700-летия» Курской Коренной иконы.
Улица Сонины в Курске. Автор В. Клыков. Фото автора.*

Рассмотренный в связи с началом курской краеведческой журналистики вопрос носит не частный, а весьма показательный для судеб провинциальной науки и культуры характер. Ведь *церковно-исторические сюжеты* — первостепенной важности тема для дореволюционного официоза в периодике. Для исторической науки существенно, что некоторые публикации такого рода в тогдашних газетах, как единственных печатных органах губернии, основывались на консисторских, храмовых, монастырских и личных архивах XVIII–XIX веков, далеко не все из которых сохранились до наших дней. Сошлёмся для примера на такие статьи из «Курских

⁶⁷ См. соответствующий анализ в работах А.И. Раздорского, всё готовящего «Курский летописец» к академической печати и опубликовавшего фрагменты из него уже сейчас: Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье. Курский край в XVII веке. Курск, 2001. С. 310–311; Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец» XVII века) // Очерки феодальной России / Ред. С.Н. Кустерёв. Вып. 7. М., 2003. С. 141–154.

После выступления А.И. Раздорского с этим сообщением на очередных Дамиановских чтениях в Курской сельскохозяйственной академии, руководители курской епархии попросили организаторов более не допускать этого докладчика к выступлениям на такой благочестивой конференции (Личные наблюдения автора этих строк). Жаль, что нынешняя РПЦ не желает знать объективной истории русской церкви.

губернских ведомостей», как «Исторические сведения о храме св. Спаса в Чернигове [древнейшем на всём Левобережье Днепра из сохранившихся каменных зданий древнерусской постройки — С.Щ.]» П. Ленесича (1841. № 50); «Грамота о пожаловании животворящего креста в Новый Оскол» (1852. № 29); «Монастыри Курской губернии» (1856. № 34–41, 48) и некоторые другие статьи церковно-исторической тематики. Хотя, надо признать, гораздо больше в этом тематическом горизонте провинциальной периодики печаталось пустопорожних материалов, сфабрикованных ради тогдашней идеологической галочки.

*Памятник князю Владимиру I в Белгороде, на склоне Харьковской горы.
Открыт в 1988 году. Скульптор В. Клыков. Архитектор В. Перцев.
Фото с сайт Gubkin31.ru*

Тем не менее, приходится констатировать, что по части церковной истории у нас в стране наблюдается тяжёлый регресс. Сто с лишним лет назад богослов, преподаватель семинарии (Н.П. Сенаторский) помещал в официальном печатном органе провинциальной епархии РПЦ объективный разбор настоящего возраста и обстоятельств появления главной

православной реликвии Курского края. А сегодня такое уже невозможно: вместо выводов научного источниковедения в официальных кругах господствует наивное тиражирование несуразных легенд о возрасте и обстоятельствах обретения главной реликвии Курска и его округа.

В 1995 году Русская православная церковь торжественно отметила «700-летний юбилей» этой своей святыни. Памятник чудотворной иконе по проекту небезызвестного скульптора В. Клыкова был тогда воздвигнут на территории исторического первоцентра Курска. Причём фундаментом монумента оказалась погублена часть культурного слоя домонгольского детинца. Тогда областная инспекция по охране памятников культуры санкционировала это строительство, не поставив в известность курских археологов, которые в тот самый момент вели раскопки по соседству — в Первомайском саду. Для сравнения сошлюсь на весьма информативные раскопки, проведённые в том же самом 1995 году в историческом центре Владимира – так называемом «Мономаховом городе» на месте установки памятника Андрею Рублёву (раскоп площадью 34 кв. м дал ценную информацию о древней истории города).

На мой взгляд, по возможности точное знание того, что нашей Коренной иконе отнюдь не 700, а скорее всего около 300 лет, вовсе не снижает в глазах верующих и неверующих граждан её священный ореол, её культурно-историческую ценность. Напротив, профанация истории якобы в церковно-религиозных целях только компрометирует их, вольно, невольно представляет собой вульгарное богохульство. Скажем, одно из творений того же скульптора Клыкова — памятник святому Владимиру Равноапостольному воздвигнут в соседнем с Курском Белгороде, который, в свою очередь, не так давно отметил своё якобы «1000-летие». В действительности, как совершенно ясно историкам из сохранившихся документов, этот город основан в конце XVI века, а в летописном пассаже, притянута для обоснования гораздо более древнего возраста, речь идёт о совсем другом Белгороде, располагавшемся в районе Киева⁶⁸. Что заставляет власти в юбилейных делах прислушиваться к невежественным краеведам и предвзятым служителям церкви, почему многие учёные историки молча взирают на этот обман и самообман народа, а многие журналисты ему способствуют, публикуя явные вымыслы на сей счёт, не составляет особой загадки. К рассмотрению этого вопроса мне придётся возвращаться ниже, при обсуждении дальнейших судеб исторического краеведения в России.

Ещё ярче, чем статьи по религиозно-церковной части, выражали охранительную, что называется рептильную сверхзадачу провинциальной прессы массовые публикации в честь особ царствующего дома. Каждый визит кого-то из дома Романовых в курские края, чаще всего транзитный, описывался местными борзописцами по горячим следам, а затем перепевался ретроспективно, особенно за те времена, когда своей газеты в крае ещё не

⁶⁸ Раздорский А.И. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. С. 192–199.

было. Самым популярным, пожалуй, событием такого рода стал вояж «матушки» Екатерины II в южные губернии. На пути к «потёмкинским деревням» императрица в июле 1787 года проезжала и Курск. Тогдашний (в 1843–1849 годах) предводитель курского дворянства А.И. Пузанов успел рассказать подробности высочайшего визита своему сыну Н.А. Пузанову, и тот 60 лет спустя этого события изложил их в серии статей ⁶⁹.

В том же преувеличенно торжественном жанре выполнены были курские репортажи о поездках Александра I, Николая I, Николая II, да и менее знаменитых особ царствующего дома ⁷⁰.

Факты общения транзитных венценосцев с провинциальным обществом, представителями разных его сословий, обрастали, как водится, массой легендарных деталей и *post factum* придуманных в монархическом рвении диалогов (вроде фразы Екатерины Великой о «добром крестьянине» — якобы жителе Казацкой слободы Курска, который угостил царицу вкусными грушами; или же разговора Николая II с курскими гимназистами). А чего стоит редакционный комментарий курской газеты к действительно примечательному для страны событию: когда к 700-летию юбилею Москвы в 1847 году было приурочено открытие первой железной дороги в стране — между старой столицей и новой, «Курские ведомости» писали: «Только в России можно творить такие чудеса, являть подвиги силы государственной и воли, истинно исполинской!» ⁷¹. Такого рода наивные, на первый взгляд, преувеличения похожи на периодически вспыхивавшую в нашей стране впоследствии «борьбу с космополитизмом» и «преклонением перед Западом», патриотизма во что бы то ни стало. О цене мирных и военных побед при этом стараются не вспоминать.

Замечательным эпиграфом к этому историографическому сюжету может служить строфа некоего одесского цензора С. Плаксина, из стиха, посвящённого «высочайшим Его Императорского величества Государя Императора Николая II проездам через Одессу»:

«Скажи, дорогая мамаша,
Какой нынче праздник у нас,
В блестящем мундире папаша,
Не едет брат Митенька в класс?
Взгляни ты, как много народа
Из церкви сегодня идёт!..
И солнышко с ясного свода

⁶⁹ Пузанов Н.А. О высочайшем шествии императрицы Екатерины II через курскую губернию во время путешествия в Южный край государства // Курские губернские ведомости. 1848. № 1–2, 12, 15, 17, 22; Проезд через Курскую губернию императрицы Екатерины II в 1787 году // Там же. 1897. № 56–57.

⁷⁰ А.Т. [Танков] Император Александр I в Курской губернии // Там же. 1893. № 500; Танков А. Проезд императора Александра I чрез Курскую губернию [в 1820 году — С.Щ.] // Там же. 1897. № 20; Его же. Проезд императора Николая I чрез Курскую губернию // Там же. 1842. № 37, 39.

⁷¹ Там же. 1847. № 15. С. 205.

Златые лучи так и льёт!..
И солнышко, дитяtko, знает,
Что праздник великий настал,
Что нынче к нам ТОТ прибывает,
КОГО САМ ГОСПОДЬ нам избрал!..»⁷²

Эти вирши одесского цензора с детства запомнились И. Ильфу и Е. Петрову настолько, что они включили их в одну из глав «Двенадцати стульев» как яркий штришок предреволюционного маразма царской бюрократии, карикатурно повторявшийся потом в обиходе бюрократии советской и постсоветской.

Бюст А.М. Барятинского в родовом имени Марьино Рыльского уезда, где он похоронен в селе Ивановке. Фото evatutin с сайта Википедии.

В том же панегирическом духе выдерживались и литературные портреты разновременных начальников Курской губернии — П.Н. Демидова, графа М.Н. Муравьева, П.А. Извольского, А.Н. Жедринского, Н.П. Бибикова, графа А.Д. Милютин; губернского предводителя дворянства П.А. Сонцова; прочих чиновных персонажей, опубликованные в «Курских губернских ведомостях» только за 1892–1894 годы. Однако в силу того вклада, который эти сановники (кто больший, кто меньший) внесли в развитие губернской культуры, соответствующие статьи получили определённую историографическую ценность и сохраняют её по сей день. В советской

⁷² Цит. по: Лурье Я.С. В краю непуганных идиотов // В его кн.: Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 197.

«Истории города Курска» все без исключения его губернаторы именовались «царскими сатрапами», для которых «характерна одна черта: раболепие перед вышестоящими властями и жестокий произвол и деспотизм по отношению к простому народу»⁷³. Чтение старых газет, выходявших при этих «сатрапах», не подтверждает столь огульного обвинения. В том числе по специально обсуждаемой здесь части — одни из курских начальников действительно пренебрегали историческим краеведением, памятниками прошлого, зато другие помогали их охране и изучению весьма результативно⁷⁴.

Ещё интереснее для истории отечественной культуры стали с годами *биографические очерки* о других курянах, не столь титулованных, как губернаторы и их ближайшее окружение, зато куда более известных за пределами сеймских берегов. Среди такого рода деятелей политики, литературы и искусства — уже упоминавшиеся мной выше поэт И.Ф. Богданович, нашедший последний приют на курском кладбище и удостоенный памятника тут же⁷⁵; астроном-самоучка, метеоролог и основатель библиотеки-читальни в Курске Ф.А. Семёнов; пленённый на Кавказе фельдмаршалом князем Александром Ивановичем Барятинским⁷⁶ на тему «Шамиль в Курске»⁷⁷; кое-кто ещё из так называемых знаменитых земляков.

Поскольку большинство фактов и оценок для такого рода публикаций черпалось их авторами из практически не архивируемых источников — личных наблюдений, записанных воспоминаний ветеранов, семейных документов, устных преданий народа, то соответствующие статьи местных «Ведомостей» впоследствии приобрели характер первоисточников и как таковые широко использовались исследователями и популяризаторами местной истории. Ведь в центральной печати курские подробности жизни выдающихся соотечественников, как правило, не отражались.

Несмотря на подчёркиваемую всеми без исключения редакторами губернской газеты её благонамеренность в отношении властей предержавших, над «Ведомостями» всегда висел *дамоклов меч цензуры*. Что называется, обжигаясь, как в случае с В.К. Гутцейтом, на молоке, редакторы, даже в общем нечуждые либеральным поползновениям, предпочитали дуть и на

⁷³ Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1975. С. 78.

⁷⁴ См. подробнее: *Степанов В.Б.* Наместники и губернаторы Курского края. 1779–1917 гг. Исторические очерки. Курск, 2005. 244 с.

⁷⁵ [Статья (неозаглавленная) Т.И. Вержбицкого] // Курские губернские ведомости. 1894. № 659, 792.

⁷⁶ Князь *Александр Иванович Барятинский* (1815–1879) — русский государственный деятель, полководец; на пике служебной карьеры — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Кавказской армией, наместник на Кавказе. Победил восставшую Чечню — имапат Шамиля, а его самого пленил и вывез в ссылку в Россию.

⁷⁷ [Статья (неозаглавленная) И. Бесядовского] // Там же. 1859. № 43.

См. современный пересказ сюжета с пленным имамом: *Зорин А.В.* Победитель Шамиля. *Бесядовский Н., Зорин А.В.* Шамиль в Курске. Курск, 2000. 20 с.

воду. Сошлёмся на характерный эпизод. Составляя в конце прошлого века «Указатель важнейших статей» из губернской газеты предшествующего периода, эрудированнейший А.А. Танков «не заметил» те, каким-то образом пробравшиеся в печать исторические материалы, где мог быть усмотрен хоть какой-то намёк на оппозицию имперскому официозу. Так, отмечая в № 9 за 1851 год проходную корреспонденцию новооскольского помещика Р. Кудрявцева «О посеве проса», многоопытный и дотошный историк-краевед игнорировал опубликованный там же редкий документ: письмо известного оренбургского бытописателя, автора хроникальной «Осады Оренбурга» Петра Рычкова князю Николаю Борисовичу Голицыну (просвещённому курскому помещику, музыканту и меценату) от 25 августа 1774 года «О нападении разбойника Пугачёва на Царицын и принадлежащие к нему города». Это ценное для историка свидетельство очевидца прислал в редакцию газеты из семейного архива некий господин Анфимов, «казначей губернской строительной и дорожной комиссии». Из обнародованного газетой документа выясняются важные детали, отсутствующие в пушкинской «Истории пугачёвского бунта» и прочих изложениях тех же событий (скажем, наличие у пугачёвцев своего речного флота). Публикуя в своё время сей манускрипт, тогдашний редактор А.М. Головашенко не преминул подчеркнуть «стремление просвещённого общества обнародовать исторические данные», призывая обладателей старинных бумаг присылать их в редакцию для рассмотрения и выборочного печатания, с гарантией возврата оригиналов. Четверть века спустя его преемник и ревностный историк курского дворянства А.А. Танков убоился одного упоминания о пугачёвщине, как видно, в свете вершимой им чиновничьей карьеры (впрочем, так и не задавшейся).

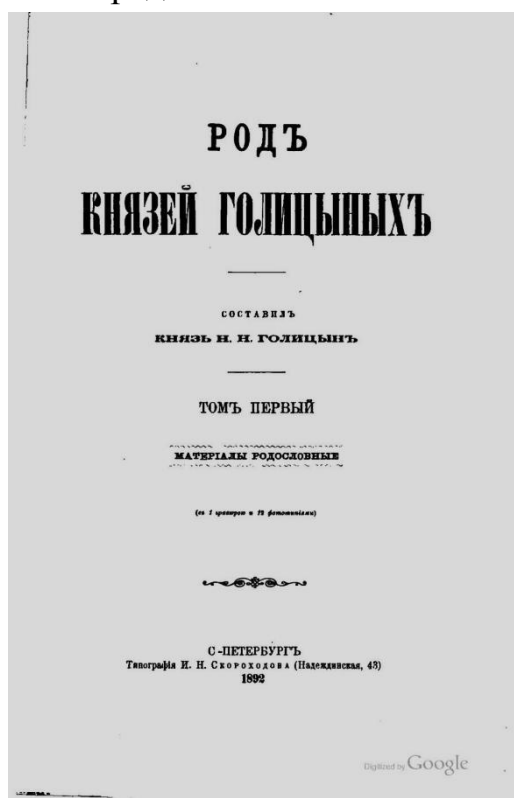
Да и в более либеральные времена его предшественник на газетной стезе А.М. Головашенко и после гутцейтовской истории получал за краеведческую любознательность по редакторской шапке. В опубликованных редактируемые им «Ведомостями» за 1853 год «собрании народных игр, загадок, анекдотов и присловий» жителей губернии оказались и такие, что иронизировали над православными попами и обрядами. На что цензурный комитет в Петербурге откликнулся ещё одним грозным циркуляром, предписывавшим всей российской прессе «отклонять на будущее время пропуск цензурой таких народных преданий, которыми нарушаются добрые нравы и может быть дан повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных и которых сохранять в народной памяти через печать нет никакой пользы»⁷⁸.

Однако озорное желание цензуру обмануть, хотя бы не слишком серьёзным сюжетом, не раз ещё толкало курских редакторов, и в особенности их корреспондентов, на публикацию политически, идеологически

⁷⁸ Русская мысль. Т. VII. Эпоха Николая I. М., 1910. С. 109–110.

двусмысленных «искорок местной старины» (неологизм талантливое А.А. Танкова), что так разнообразили страницы «Губернских ведомостей».

Публикации по археологии (в современном её понимании) за весь период издания «Губернских ведомостей» довольно редки. В несколько лет раз-другой узнают губернские читатели то о находке старинных монет в Обояни (1851. № 9), то познакомятся с очередной статейкой А.А. Танкова «Из истории края» в древнерусское время (1890. № 57); то прочтут поверхностный обзор курских древностей вообще (1888. № 66), то специально о «первобытных славянских племенах в городе [уездном] Короче» по соображениям лично знакомого многим курским читателям газет ещё одного замечательного представителя этого княжеского рода.

Титульный лист издания 1892 года.

Князь *Николай Николаевич Голицын* (1836–1893) — фигура для провинциальной историографии гуманитарного знания пореформенного периода по-своему типичная (или, как сейчас говорят, знаковая). К ней не применимы позднейшие, нынешние критерии разницы между дилетантами и любителями. Теперь профессионалами считаются лица, получающие специальное образование и материальное вознаграждение за свою работу по этой специальности. Однако сто с лишним лет назад лиц с высшим, университетским образованием в губернском центре насчитывалось раз в сто меньше, чем сейчас; а тех, кто занимался на студенческой скамье научной работой, но не остался на службе в столицах или университетских же городах, и того меньше; ну а сохранивших после высшей школы вкус к словесности, академической или художественной, совсем-совсем мало. Их,

чаще всего вторичные по содержанию, в общем компилятивные писания, будучи посвящены сюжетам региональным, выполненные по источникам местным, всё-таки в определённой мере способствовали развитию отечественной науки о древностях. Причём куда в большей степени, чем труды краеведов последующих времён, когда сама историческая наука шагнула далеко вперёд.

Причём по археологии в современном смысле слова в дореволюционной России никого систематически не готовили, так что тех, кто брался за раскопки с юридическим (как Д.Я. Самоквасов или Н.К. Рерих) филологическим, искусствоведческим (как граф А.С. Уваров), военным (как офицеры — генерал Бранденбург или капитан В.Н. Глазов), медицинским (как врачи В.Б. Антонович или Л.К. Ивановский), даже историческим образованием (как А.А. Спицын), изначально нельзя было считать профессионалами как таковыми. Они профессионализировались не в годы университетской учёбы, а на практике своих поначалу любительских раскопок.

Зато любой выпускник российской гимназии более или менее свободно владел двумя древними и одним, двумя, тремя европейскими языками. То есть читал по-древнегречески и по латыни; путешествуя по Европе, свободно общался с французскими официантами, немецкими обывателями или приказчиками в лондонских лавках. Так что читать первоисточники исторического знания мог в подлинниках. Далек не все современные археологи могут похвастаться такой подготовкой даже в столичных университетах, тем более в провинциальных педагогических институтах.

Н.Н. Голицын — младший сын вышеупомянутого князя Николая Борисовича, ветерана Наполеоновских войн и виолончелиста-виртуоза, от второго брака (с Вильгельминой фон Пошман). Он родился в слободе Михайловке Новооскольского уезда Курской губернии, где у одной из ветвей известного княжеского рода было имение. Начинать высшее образование на историко-филологическом факультете ближайшего к малой родине — Харьковского университета, но завершил образование по юридическому факультету университета Московского. Одно из его студенческих сочинений — «История княжества Псковского (862–1510)» (1858) удостоивалось золотой конкурсной медали. По окончании университета служил судебным следователем (что, между прочим, было связано с разъездами по разным уездам губернии и возможностью видеть воочию памятники археологии и архитектуры края). В 1862–1865 годах мы находим его в составе Курского губернского статистического комитета (деятельности которого посвящена следующая глава моей книги), на должности заместителя его председателя и редактора печатных трудов. Продолжение его служебной карьеры связано с Царством Польским, министерством внутренних дел, придворными кругами (действительный статский советник Н.Н. Голицын под самый конец своей службы состоял личным секретарём великой княгини Марии Павловны).

При его активном участии как составителя и редактора готовился к печати и выходил в свет первый выпуск «Трудов» Курского статистического

комитета. Целый ряд историко-краеведческих очерков опубликовал он на страницах «Курских губернских ведомостей» (самые интересные сегодня — о старинных монастырях Курской губернии), а также в московском «Временнике». Ценность для исторической генеалогии представляет его последняя книга «Род князей Голицыных» (СПб., 1892)⁷⁹. Кончина князя оказалась отмечена некрологами в центральных газетах и журналах, почтивших общественную и научную деятельность губернского чиновника и историка-любителя⁸⁰.

Гораздо чаще, чем прямо археологические материалы, появлялись на страницах «Курских ведомостей» публикации по истории позднего Средневековья и раннего Нового времени в России. Соответствующие события и лица были тогда неким пределом хронологической удалённости, моментами преодолимой по сохранившимся в столицах, а то и в провинции документам. В них отражались самые разные, многим читателям любопытные сюжеты. Такие, скажем, которым посвящены: анонимные или же именные очерки добровольных корреспондентов «Ведомостей»: «О грамотах и ярлыках крымских ханов» (1841. № 52); «Музыкальные орудия древних русских войск» (1844. № 6); «О древнем ямском учреждении в России» (1851. № 14–19); Р.И. (Игнатьева?) «О полевой службе во времена царей московских» (1850. № 32–33); И.Е. Забелина «Придворные обряды и обычаи царей московских» (1847. № 16, 21), «Пышность двора Московского в XVII веке» (1845. № 17).

Последняя статья содержит, между прочим, следующий образчик чиновничьего подхода в историографии, коим, правду сказать, вообще грешил этот знаменитый историк и археолог: «Великолепие двора свидетельствует о богатстве народном, а богатство народа — доказательство государственного благоденствия». Так что даже сугубая археология приносила официозной прессе некие идеологические дивиденды, а её авторам — авторитет в чиновных и даже придворных кругах.

Самым важным, пожалуй, для исторического краеведения достижением губернских журналистов оказались их спорадические обращения к такой тематике, как *местные документальные источники*. Таким, например, как многочисленные публикации документов XVII–XVIII веков А.И. Дмитрюковым (отмеченные мной выше) или же «Акты Курского края» тех же времён, извлечённые из архива Михаила

⁷⁹ См.: Голицын Н.Н. Монастыри Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1856. Август-декабрь; 1858. Январь-июль; *Его же*. Об упразднённых монастырях Курской епархии // Временник. Кн. XXV. М., 1857; *Его же*. Первобытные славянские племена в Короче // Курские губернские ведомости. 1857. № 25; *Его же*. Род князей Голицыных. СПб., 1892. *Его же*. Родословная роспись потомства князей литовских (От Гедимины до кн. Михаила Ивановича Голицына). СПб., 1891. 134 с. Репринт этого издания: М., 2012.

⁸⁰ Некрологи Н.Н. Голицына: Московские ведомости. 1893. 8 мая; Новое время. 1893. 2 мая; Исторический вестник. 1893. № 7.

Михайловича Толстого (1864–1827), попечителя Одесской публичной библиотеки, и подготовленные к печати харьковским профессором Д.И. Багалеем (1897. № 64–67).

Начиная с рубежа 1850–1860-х годов «Курские губернские ведомости» напечатали целый цикл пространных статей в своеобразном жанре «*Исторические и статистические материалы о Курской губернии*» в целом⁸¹ и о большинстве её уездных городов — Путивле (1893. № 519), Льгове (1867. № 5), Новом Осколе (1867. № 5), Обояни (1867. № 6), Богатом (1867. № 11), Короче (1851. № 49–52), Мирополье и других. Большинство этих очерков опубликовано анонимно. Как видно по стилю письма и содержанию, их компилировали сами редакторы или кто-то из близких им по жизни корреспондентов газеты, используя доступные широкому читателю общеисторические труды да устные рассказы пожилых земляков о предшествовавших царствованиях. Сыграв определённую роль в просвещении губернской и уездной публики насчёт обозримых и без углублённого источниковедения исторических корней малой родины, такого рода публикации со временем во многом потеряли научное значение.

Среди более оригинальных — за счёт привлечения свежих и труднодоступных для профессиональных историков местных источников, архивных и этнографических, а также нетривиальных авторских наблюдений и выводов — выделим «Краткое историческое описание Белгорода», выполненное А.С. Анненковым (1851. № 18). Хотя и оно не чуждо фантастических допущений, что видно по его отдельному изданию⁸².

Курская газета время от времени знакомила своих читателей с древностями (главным образом церковными) других губерний и их уездов — Московской, Рязанской, Черниговской и прочих⁸³.

По страницам губернской периодики хорошо прослеживается печальная тенденция пренебрежения памятниками старины со стороны властей предрежащих, да и интеллигентной общественности. «Злоба дневи» всегда довлела над сознанием вечности в умах местных лидеров. Актуализм мышления менялся на историзм в тех редких случаях, когда такая команда спускалась с самого верха имперской пирамиды власти. Самым типичным поводом для этого служили в императорской России её разнообразные юбилеи — отдельных царствований, военных побед, великих деятелей политики, культуры, церкви.

Вот показательная картинка за 1908 год. Курская общественность берётся поддержать 200-летний юбилей Полтавской победы, приходящийся на следующий, 1909 год. По этому поводу городской управе и

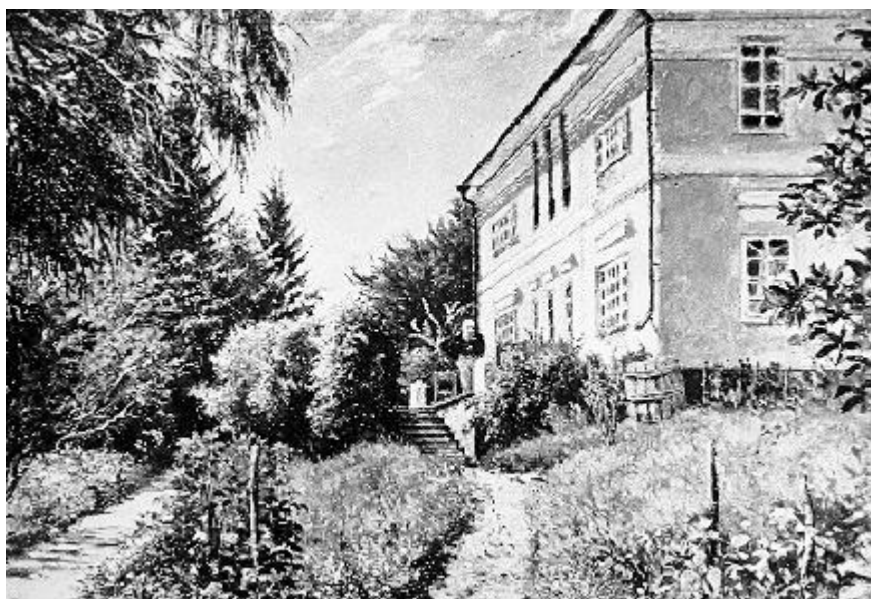
⁸¹ См.: Шатохин П. Историко-статистическое описание Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1860. № 42, 44–46 [Публикация не окончена].

⁸² См.: Анненков А.С. Краткое историческое описание древнего Саркелла или Белграда, нынешнего Белгорода. Курск 1851. 14 с.

⁸³ См., например: Обзорение древностей и достопримечательностей Рязани и её уезда // Курские губернские ведомости. 1845. № 13–15.

губернаторской администрации напомнили о пришедших в ветхость памятниках Петровской эпохи в Курске. Их осмотр выяснил, что косметическим ремонтом здесь не ограничиться: «Фундаменты памятников обратились в труху. Чтобы привести в порядок памятники, требуются солидные суммы, но у города средств нет. ... Обратились в Министерство внутренних дел [Это министерство, напомню многие материалы предыдущих глав моей книжки, по дореволюционному законодательству прямо ведало, между прочим, и законной охраной исторических древностей — С.Щ.]. Но ответа не получено...»⁸⁴. Результат относительно означенной проблемы типичный.

Ни одному из длинной череды курских губернаторов не приходило в голову приложить хоть какие-то усилия, чтобы музеефицировать, как-то отметить, объяснить прохожим землякам и проезжему через Курск люду столь замечательные для русской культуры уголки подведомственной им земли, как детинец курской крепости эпохи князя Игоря Святославича; «палаты воевод Ромодановских» напротив самой старой курской церкви Нижней Троицы, что под над базарной Барнышовкой; или же Воробьёвская усадьба А.А. Фета, куда уже с начала XX века стихийно потёк ручеек паломников. «Часто в усадьбу А.А. Фета приезжают осматривать целые компании коренско-пустыньских дачников. Гидом им служит садовник»⁸⁵.

*Фетовская усадьба Воробьёвка на старой фотографии.
Дореволюционный вид.*

⁸⁴ Курская быль. 1908. 3 декабря. № 265. С. 3.

⁸⁵ *Л-нь К.* Усадьба А.А. Фета (Шеншина) в окрестностях Коренной пустыни (из впечатлений поездки) // Курские губернские ведомости. 1907. № 154. С. 3–4.

*Главное здание фетовской усадьбы
после реставрации 2010-х годов. Фото автора.*

Гораздо лучше обстояло у курян дело с изданием (а значит, по сути, — с сохранением) и изучением так называемой живой старины — древностей этнографических. Довольно рано (по общероссийским меркам) и с завидным постоянством, отменным качеством фиксации здешние «Ведомости» публиковали *этнографические «Материалы для описания Курской губернии»*. Надо ли пояснять, что эта самая устная старина испаряется в небытие куда скорее старины материальной. За два-три десятка лет сходят в могилы очередные поколения местных жителей. Они уносят с собой в пучину забвения те «искорки» диалекта и даже идиолектов, которые так ярко расцветивали жизнь россиян в прежние годы. В первые десятилетия XXI века южнорусский диалект в устной речи новых поколений курян, воронежцев и их соседей практически исчез. Видимо, сказались информационные возможности постсоветского пространства.

Начало упомянутой тематической рубрики положил всё тот же А.М. Головашенко, напечатавший в 1850–1851 годах (и опять назло цензуре) записи слышанных им «уличных песен», пословиц, поговорок и загадок, примет и поверий, заговоров, анекдотов и суеверий, особенностей просторечия курян «низших сословий».

Этнографическую линию в губернской прессе уверенно продолжил А.И. Дмитриюков, о чём говорилось в предыдущей главе моей книги.

Наконец, на берегах Сейма и Псла появились и более подготовленные, авторитетные в академических кругах Петербурга и Москвы столичные и местные, губернские да уездные фольклористы.

*Фотокарточка с портретом А.С. Машкина.
Из фондов Русского Географического общества.*

Первым из них должен быть упомянут *Алексей Степанович Машкин* (1816–1904) — отставной поручик, почётный попечитель обоянских народных училищ. Об его записях обоянского говора и этнографических публикациях (по преимуществу как раз газетных) говорилось в начале моей работы, в параграфе о фольклорной археологии.

Первым профессиональным фольклористом в курских краях стал *Владимир Иванович Резанов* (1867–1936) — выпускник Нежинского лицея, затем учитель русского языка Курской гимназии, секретарь предводителя губернского дворянства, впоследствии ставший профессором филологии Варшавского университета и автором нескольких авторитетных исследований крестьянских говоров Черноземья. Об этой очень показательной фигуре у нас ещё пойдёт речь в следующем параграфе. Показательной для понимания того, как академический учёный из центрального учреждения способен плодотворно работать с местными материалами, привлекать к сотрудничеству добросовестных краеведов.

Михаил Георгиевич Халанский (1857–1910) — уроженец Щигровского уезда, выпускник Курского уездного училища, Белгородской духовной семинарии, Харьковского университета, а затем — профессор последнего,

автор фундаментального труда «Народные говоры Курской губернии» (СПб., 1904) и многих других публикаций по здешнему фольклору.

*Профессор М.Г. Халанский. 1890-е годы.
Фото из Википедии.*

Кроме перечисленных авторов, специализировавшихся именно на этнографии, её тематика отражена в отдельных корреспонденциях курских краеведов широкого профиля — А.А. Танкова, А.Н. Златоверховникова, Р.Л. Маркова, Д.А. Коропчевского⁸⁶ и некоторых других⁸⁷.

Выделю среди их исследований сюжеты, особо важные для исторической археологии края:

- предание об Алатырь-камне⁸⁸ (чью этимологию и семантику фольклористы и мифологи трактуют разноречиво);

⁸⁶ Дмитрий Андреевич Коропчевский (1842–1903) — русский журналист, популяризатор науки. Издал русские переводы важнейших трудов западных этнографов — Тайлора, Лёббока и других. Сам написал «Рассказы про дикого человека» (М., 1887) и другие научно-популярные работы по этнографии и антропологии, первые в своём жанре для широкого читателя в нашей стране.

⁸⁷ См. полную библиографическую сводку: Матрёнина М.М., Якунина Г.Т. Фольклор на страницах курской дореволюционной периодики // Русский фольклор. Т. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991.

⁸⁸ Русские народные мифы и саги в применении их к географии, и особенно к географии русской // Курские губернские ведомости. 1853. № 12.

• поверья насчёт «громовых стрелок» — кремнёвых орудий древних людей, часть из которых пошла на амулеты позднейших времён, вместе с ископаемыми моллюсками-белемнитами («чёртовы пальцы», «перуновы стрелы»), чьи находки по-своему объяснялись суеверными крестьянами⁸⁹, а православная церковь их осуждала;

*Окаменевший моллюск-белемнит, превращённый в талисман.
Фото из интернет-магазина магических аксессуаров.*

- цикл фантастических рассказов тех же курских селян о волшебных кладках и разбойнике Кудеяре (цитировались в первой главе моей книги);
- легенда о богатырской голове, якобы захороненной после побоища с ногайскими татарами у так называемого «голубца на Красной поляне», анализ которой вошёл в мировой фонд фольклорных мотивов⁹⁰;
- впечатления богомольцев о пещерных храмах Киево-Печерской лавры⁹¹;
- целый ряд похожих сказочно-быличных сюжетов.

К сожалению, лет полтора и больше спустя этих публикаций падение уровня исторического знания и общей грамотности среди вроде бы интеллигентных россиян привело к тому, что, «открыв» для себя старые газетные статейки сугубо сказочного характера, они принимают их за подлинные свидетельства и в таком качестве пытаются пропагандировать. Так, упоминавшийся выше, ныне покойный скульптор В. Клыков очередной свой монумент соорудил в честь легендарной битвы на Красной поляне. Теперь в Черемисиновском районе Курской области, на водоразделе Днепра и Дона высится «12-метровый православный крест на трёхметровой Голгофе.

⁸⁹ Громовые стрелки // Там же. 1897. № 209.

⁹⁰ Марков Р. Недавняя старина. Голубец на Красной поляне // Курский листок. 1899. № 209.

⁹¹ Киевские ближние и дальние пещеры // Курские губернские ведомости. 1845. № 27–28 (Перепечатка из «Киевских губернских ведомостей»).

... С одной стороны во весь рост ... изображён Дмитрий Донской, а с другой – Александр Невский. ... В назидание всем инородцам, охочим до русской земли...»

Поклонный крест работы В. Клыкова в Черемисиновском районе Курской области. Православные богомольцы перед языческим символом — сказочной «головой великана». Фото с сайта депутата Орловского областного совета В.В. Вдовина.

Памятники литературным и фольклорным персонажам и событиям — не редкость в мировой меморативной и туристической практике, однако же никто не претендует выдать соответствующие персонажи за реальных деятелей истории. В. Клыков, напротив, уверяет сам себя и якобы православную общественность в реалистичности будто бы убитого курскими воинами 12 июля 1709 года (?) в битве с «ногайцами» (?) их «шести метров (?) размером богатыря», чей «меч весил 80 кг (?)». Более того, по убеждению легковерного скульптора, отрубленная у гиганта и «высушенная голова простояла на этом месте больше века, и её не мог не видеть А.С. Пушкин, проехавший через Елец и Ливны на юг России и упомянувший об этом факте в поэме «Руслан и Людмила»⁹². Человек, всерьёз уверяющих окружающих современников, что существовал человек 6-метрового роста, явно не вышел из детского возраста, когда ему верилось фильмам-сказкам.

Все эти домыслы без каких бы то ни было комментариев публикует официальная газета российского парламента, по сути, главная газета страны. Подобные антиисторизмы — не редкость в современной политике, публицистике, искусстве России и остальных государств СНГ. Они

⁹² Цит. по: Поклонный крест Вячеслава Клыкова // Российская газета. 2001. 19 октября. С. 31.

Ср.: Чемодуров В. Крест над истлевшею ордой // Там же. 2002. 24 мая. № 91. С. 21.

свидетельствуют о регрессивных тенденциях в историческом сознании наших соотечественников; откате общественного сознания, по крайней мере, официальной его части, на многие столетия назад в Средневековье.

Репортаж об открытии памятника в курской газете оказался, к счастью для просвещения земляков, более скептическим к идее данного сооружения («... Современное “катание головы ногайского богатыря” — вполне понятный, хотя и весьма спорный для многонационального государства момент»⁹³).

Массив опубликованных (и главным образом газетных) *материалов по курской этнографии* оказался столь выразителен и представителен для структур фольклорного мышления, что иллюстрации отсюда нередко в самых фундаментальных трудах этого профиля, вроде (впервые изданной в 1927 году на немецком языке) «Восточнославянской этнографии» Д.К. Зеленина или даже знаменитой «Золотой ветви» Джеймса Джорджа Фрезера (Первое издание 1909 года, затем множество переизданий на разных языках). Однако стоит уточнить, что большинство таких преданий носило вторичный характер и их появлению мы обязаны не сказителям из народа, а книжникам Нового времени. В те поры литераторы-романтики и в Англии, и в Германии, и во Франции, и в Болгарии, и в Сербии, и в России публиковали сочинённые ими самими песни и сказки, не открывая авторства, приписывая их народной молве. Припомним хотя бы «поэмы Оссиана», сказочного героя кельтов, напечатанные Джеймсом Макферсоном, «Гузлу» Проспера Мериме, «Поэзию бретонского народа» Теодора Вильмарке, «думы украинских кобзарей и лирников», на самом деле сочинённые будущим нашим академиком И.И. Срезневским⁹⁴, и тому подобные то ли розыгрыши, то ли подлоги. Незнание всего этого сегодня говорит только об отсутствии школьного образования у доверчивых художников, журналистов, политиков....

Ещё больше в начале Нового времени, в XVI–XVIII веках публиковалось что в Европе, что у нас в России откровенно литературных, открыто авторских стилизаций под героический эпос, вообще национальный фольклор. Одним из основоположников такой беллетристики стал Фёдор Александрович⁹⁵ Эмин (1735–1770) с его якобы «Российской истории» в трёх томах (1767–1769 годов издания). На её страницах Александр Македонский принимает славянских послов, славянское войско в дальнейшем разбивает легионы Цезаря Августа под Андриаполем... За нагромождение такой чепухи Эмин удостоился эпиграммы от кого-то из более разумных современников: «Кто взялся написать историю без смысла / И ставит тут Неву, где протекает Висла?».

⁹³ Блинков А. На белом пятне истории поставлен крест // Курский вестник. 2002. 14 мая. № 35. С. 2.

⁹⁴ См. подробнее: *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 2012. С. 138–140.

⁹⁵ После православного крещения этого человека, чьё происхождение и национальность остаются непонятными историкам.

Его сверстник Михаил Дмитриевич Чулков (1734–1792) накатал несколько сборников, начиная с точно названного «Пересмешника (славенские сказки)» (1766), где вполне фантастически живописуется быт и подвиги древнейших славян (о которых тогда и этот автор, и все остальные не имели ещё никакого понятия). Начинал-то Чулков свою карьеру камерлакеем, затем актёром придворного театра... Его же перу принадлежат также «Краткий мифологический лексикон» да «Абевега (словарь) русских суеверий», столь же баснословных даже для своего времени.

Ещё один литератор-фантаст из разночинцев — Михаил Иванович Попов (1742–1790) вполне себе произвольно сочинил «Краткое описание древнего языческого баснословия» (1768), даже «Славянские древности», они же «Старинные диковинки».

Самым же плодовитым в этой компании сочинителей погибших мифов и легенд стал Василий Алексеевич Лёвшин (1746–1826). В его «Русских сказках» (1780, 1783) да «Вечерних часах» (1787) на славянских просторах героически сражаются вполне себе западноевропейские рыцари, только с тутошними именами: Силослав, Славурон, Крепкостан, Светлосан, богиня Лада и т.д., и т.п.⁹⁶ Наряду с такой ерундой он же составил полезное в своё время «Топографическое описание Тульской губернии» (1803; переиздано в Туле в 2006) в уже известном читателю жанре географической археологии.

Хорошо, даже прекрасно для нашей культуры, когда такого рода стилизации превращались в настоящую литературу, пусть и лёгкого жанра — вроде пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». Плохо, когда совершенно произвольные выдумки тщились приобрести академический вес, как то произошло у талантливого натуралиста, энергичного организатора науки, но никудышного историка Михаила Васильевича Ломоносова. Мой учитель А.А. Формозов презрительно называл столь архаичную псевдоисторию «феноменом "Синописиса"» — по названию баснословной книжечки, авторство которой приписывают разным людям, чаще всего — архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю (около 1600–1683)⁹⁷.

Одно дело, когда историю искажали неграмотные сказители из народа, слагавшие былины о победах русских богатырей над поганой татарвой; простителен полёт фантазии нищих литераторов-разночинцев, двести с лишним лет назад потакавших низменным вкусам массового читателя стилизациями под рыцарский эпос; а совсем другой оборот принимают наивные фантазии наших современников, которые ставят памятники явно вымышленным персонажам под видом настоящих героев отечественной истории. Их невежество не помогает патриотическому воспитанию, а дискредитирует его.

⁹⁶ См. толковое переиздание всей этой псевдоисторической макулатуры: Приключения славянских витязей. Из русской беллетристики XVIII века / Составление, вступительная статья, примечания *Е.А. Костюхина*. М., 1988.

⁹⁷ См.: *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. 2-е изд., доп. М., 2012. С. 10–24.

Кроме прессы светской в большинстве регионов старой России издавалась церковная. В 1860 году епархиям РПЦ было предписано Синодом выпускать собственные «Ведомости». Курско-Белгородская епархия начала печатать такую газету — *«Курские епархиальные ведомости»* — с 1871 года (сначала в Белгороде, где базировались епископ и духовная семинария, через несколько лет уже в Курске). Этот *«официальный орган епархиального управления и церковно-общественной жизни»* рассылался тогда во все 1625 церквей епархии и нескольким десяткам индивидуальных подписчиков. На страницах газеты (с начала XX века ставшей скорее журналом по утолщённому формату) ежегодно помещалось по несколько материалов историко-краеведческого характера. Среди них стоит упомянуть следующие:

- основанные на местных преданиях и консисторских документах «летописи» (*хроникальные записки* Нового времени, когда уже заработал печатный станок) *отдельных приходов и храмов*; закрытых и действовавших монастырей;

- *биографические очерки* отдельных, особо заслуженных священнослужителей (то и другое за конец XVIII–XIX века);

- *перечни культового скарба* тех или иных церквей, включая весьма древний по здешним порубежным меркам, хранящийся в ризницах с XVII–XVIII столетия;

- *очерки традиций иконописного ремесла* на Курской земле;

- тому подобные благочестивые и вместе с тем историографически небесполезные изложения.

Редакция «Епархиальных ведомостей» периодически призывала своих прихожан и священников присылать для печати историко-этнографические сведения об отдельных приходах и епархии в целом. Не сказать, чтобы сразу и активно, но мало-помалу отклики на подобные обращения в губернский орган православной печати поступали.

Среди такого рода публикаций выделяются работы А. А-ия (псевдоним-аббревиатура), А. Косминского, А. Чистякова, И. Чеканова, С. Камышного, Г. Попова, В. Добрынина, Н. Сенаторского, Г. Булгакова и некоторых других краеведов в рясах священнослужителей да мундирах преподавателей духовной семинарии, других училищ⁹⁸. О ком-то из них у

⁹⁸ См.: А-й. Белгород и его святыня // Курские епархиальные ведомости. 1871. № 7–9, 15, 17, 19; 1872. № № 12, 17, 19; Косминский А. Памятники древности, находящиеся в городе Путивле и его уезде // Там же. 1872. № 22; Чистяков А. Интересный документ для истории религиозно-нравственного состояния г. Курска (Указ преосвященного Самуила, епископа Белгородского и Обоянского 1770 года // Там же. 1871. № 18; Камышный С. Церковная летопись села Камышного Христо-Рождественской церкви (Обоянского уезда) // Там же. 1872. № 2; Попов Г. Христорождественская церковь села Осмолова Рыльского уезда; Добрынин В. О слободе Борисовке Грайворонского уезда и её храмах // Там же. 1872. № 15–16; Чеканов И. Очерки церковно-политической истории Курского княжества // Там же. 1892. № 44.

Остальные материалы, имеющие то или иное отношение к региональной истории в этом издании, см.: Указатель «Курских епархиальных ведомостей» за истекшее 25-летие издания (1871–96 гг.). Курск, 1898.

меня ещё пойдёт речь в дальнейшем, а от кого-то ничего, кроме фамилии (или даже её сокращения-псевдонима) в епархиальной газете, не сохранилось. Историческими исследованиями большинство этих фактографических очерков, густо сдобренных богословскими излияниями, назвать трудно, но определённый интерес для историков русской церкви и в особенности провинциальной жизни России они и сейчас представляют.

Так, публикации о слободе Борисовке, выросшей возле одноимённого монастыря, запечатлели работу здешних иконописцев. Не таких мастеровитых, как во Мстёре да Палехе, но тоже весьма успешных по части продаж на всероссийском рынке своих икон, киотов и прочих церковных аксессуаров. Столяры и живописцы, мужчины и женщины, даже девочки неплохо зарабатывали на набожности своих соотечественников.

Отличается от большинства остальных церковно-исторических материалов курской газеты своим научно-исследовательским характером работа И. Чеканова. Она и сегодня сохраняется в научном обороте; на некоторые заключения этого автора продолжают ссылаться историки древнерусского периода Курского края (особенно часто — наставник всех нынешних краеведов соловьиной земли Алексей Раздорский).

Вопрос о вкладе духовенства в историческую и смежные с ней отрасли гуманитарной науки остаётся проблематичным. В советский период деятельность монахов, приходских священников, рядовых и начальствующих, на ниве просвещения и познания оценивалась чаще всего крайне негативно. Примерно так: «Особую инициативу в ... распространении реакционной идеологии проявляли монастыри. ... Церковники Курского края с большой энергией занимались распространением ... необходимых феодалам мыслей. Они принимали участие в выявлении книг, подлежащих, по мнению правительства, изъятию; систематически вели наблюдение за населением»⁹⁹. В перестроечные времена, с рубежа 1980–1990-х годов и по сию пору тона соответствующих оценок диаметрально поменялись — на умилительные, даже восторженные. Так, вятский историк В.А. Бердинских в своём исследовании провинциальной историографии второй половины XIX века утверждает, что «русское православное приходское духовенство было потенциальным сословием историков; ... нередко священники-историки были людьми многогранными — талантливыми педагогами, публицистами, литераторами, этнографами»¹⁰⁰. Мне этот вывод представляется слишком лестным для пёстрой среды губернских да уездных авторов (чаще всего компилятивных очерков) из духовной среды.

Более конкретный подход к данной проблеме позволяет различить отдельные достоинства и многие недостатки в учебно-учёной деятельности представителей духовного сословия пореформенной и, особенно,

⁹⁹ *Иванов П.В.* Наш край в середине и второй половине XVIII века // История Курской области. Воронеж, 1975. С. 36–37.

¹⁰⁰ *Бердинских В.А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX века. М. – Киров, 1995. С. 280, 287.

предреволюционной России. С одной стороны, люди в рясах действительно сплошь и рядом оказывались единственными грамотными, читающими представителями большинства сельских общин, а в провинции и городских тоже. Поэтому именно кое-кто из них (вместе с сельскими, потом земскими учителями) обычно отзывались на археологические, этнографические, исторические анкеты и прочие запросы центральных академических учреждений. Кое-кто (далеко не все) из «батюшек» имели склонность и некоторые способности к историческому краеведению.

С другой же стороны, имперское православие в России накануне революционных потрясений переживало открытый кризис. Авторитет духовного сословия снижался в общественном мнении всех остальных социальных слоёв. Какие-никакие, но в конечном счёте эффективные реформы российской государственности и общественности ¹⁰¹ церковь практически обошла стороной ¹⁰². На всё это имелись как внешние, так и внутренние по отношению к церкви причины. Начиная с неизбывных тягот и бездуховности семинарского быта. В 2017 году Курская духовная семинария отмечала своё 230-летие. Я прослушал посвящённые этому событию радиобеседы, ведённые её преподавателем Юрием Озеровым и её нынешним ректором господином Томачинским. Затем состоялся тематический вечер в честь этого события в концертном центре «Звёздный». Рассказ и там, и там вёлся в тонах исключительно благостных, хвалебных. Всё-то в прошлом этой церковной школы было прекрасно, лучше не придумаешь. Наставники сплошь выдающиеся, воспитанники все без исключения тоже ревностные пропагандисты добра и света. Что ж, кое-кто из тех и других и в правду принёс своему народу определённую пользу. Но почему же тогда этот самый народ потерпел революцию, уничтожившую 99% храмов в стране и убившую большинство их служителей? Почему сегодня РПЦ не говорит вслух о социальных проблемах — бедности, заболеваемости, войнах? Даже на конференции по поводу 100-летия Русской революции в курской семинарии тот же ректор и его церковные коллеги не отличали в своих речах жертв от палачей. Большевики после прихода к власти убивали белогвардейцев да капиталистов, эсеров да троцкистов как своих политических врагов, а священников и монахов — за что? «В графе "преступление" — епископ, / В графе "преступление" — поп. / И вся, многотысячным списком, / Профессия в лагерь идёт...» — высказался коммунист Борис Слуцкий. А сегодняшние иереи предпочитают не выбирать между палачами и жертвам. Для них это щекотливый вопрос.

На самом деле большинство абитуриентов духовных семинарий вовсе не стремились посвятить себя профессиональному служению Богу, а желали избежать воинской повинности, рассчитывали на казённое обеспечение, а

¹⁰¹ См.: *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012.

¹⁰² См. подробнее: *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 17–25.

также на приобретение связей, необходимых для дальнейшей карьеры чиновника, или же на поступление в светское учебное заведение. Порядок в стенах духовного училища поддерживался системой жёстких наказаний, постоянных проверок, доносов друг на друга. Ученики духовных школ из-за бедности хронически недоедали, часто болели. Штудирование кучи сложных учебников, исполнение массы обрядовых действий сочеталось у семинаристов с попойками, карточной игрой, визитами в публичные дома, драками между собой и с представителями соседних корпораций (извозчиками, полицией и мирными обывателями). «В итоге духовные семинарии стали скорее частью дающего сбои государственного механизма воспроизводства духовного сословия, нежели подлинным “рассадником” истины и благодати»¹⁰³. Поэтому большая часть духовных лиц не слишком подходила для серьёзных занятий науками и краеведением. А ещё из среды семинаристов, из околоцерковных и монастырских кругов вышло немало представителей радикальных движений (начиная с пресловутого недоучки Джугашвили) и просто шарлатанов (вроде Григория Распутина).

В пореформенном русском обществе антиклерикальные и даже внерелигиозные настроения наступали на богомольно-благочестивые. Особенно в интеллигентских, разночинных кругах, в основном поставлявших экстремистским политическим группировкам (вроде эсеров и эсдеков) кадры функционеров и боевиков. Затем, когда практика революционного действия показала многим согражданам свой звериный оскал, наступил известный ренессанс религиозных настроений, возобновился диалог деятелей культуры с деятелями церкви; впрочем, выборочный и, как правило, не слишком канонический.

Во всяком случае, «Епархиальные ведомости» от начала до конца своего выпуска в провинции выписывались и читались почти исключительно представителями соответствующего профессионального цеха — самими священниками да частью приходского актива. Круг авторов этого издания в большинстве случаев замыкался на преподавателях духовных семинарий, наводнявших духовные «Ведомости» всё новыми парафразами на библейские темы. Разработка местной истории церкви «в общем ... ведётся довольно вяло, не даёт более или менее ощутимых результатов»¹⁰⁴, — признавал современник-эксперт.

С незначительными изменениями такое же положение сохранилось в истории региональной церкви и после её ренессанса в постсоветской России. К православным чтениям и в столице, и в провинции присоединились бывшие историки КПСС, поменявшие политические полюса, но отнюдь не уровень понимания прошлого. Сегодня разного рода рождественские,

¹⁰³ *Леонтьева Т.Г.* Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX века) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 176.

¹⁰⁴ *Павловский И.* Двухмиллионный расход на «Епархиальные ведомости» за 20 лет. Материалы для журнальной статистики и для истории епархиальной литературы // Древняя и новая Россия. 1879. № 10. С. 68.

пасхальные, знаменские и прочие вроде бы православные «чтения», по моим наблюдениям, собирают исключительно маргинальных авторов, докладчиков, не слишком грамотных, но кликушески напористых.

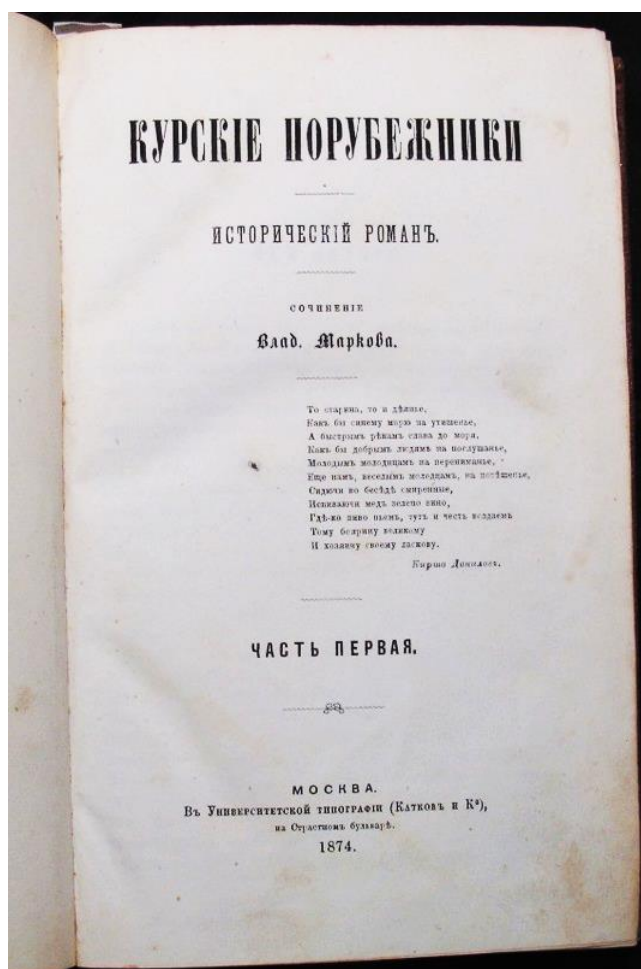
Опусы краеведческих жанров, вышедшие из-под пера курских священнослужителей, в своем большинстве демонстрируют узость и поверхностность в изложении церковно-исторических сюжетов, их отчуждённость от светских памятников старины и полную некритичность в отношении к источникам своей информации (что было показано мной выше на примере сказания о Коренной иконе и его пересказов в новейшей печати). Курской губернии не посчастливилось иметь у себя столь выдающихся церковных историков и этнографов, каковыми были архиепископ Филарет (Гумилевский), митрополит Евгений (Болховитинов), Г.Е. Верещагин из Вятки и некоторые другие, на самом деле учёные владыки.

Уездная газета Павла Ивановича Барышникова.

Правда, претензии к историческим опусам церковных служителей относятся в полном объёме к до- и пореформенному периодам развития курского краеведения. Позднее, на рубеже XIX–XX веков на ниве церковной истории появилось заметно больше компетентных, объективно и оригинально мыслящих и писавших авторов. Таких, как И. Чеканов, Н.П. Сенаторский, Г.И. Булгаков, чьи труды до сих пор находятся в научном и краеведческом обороте. Но и тогда эти авторы выглядят скорее исключением из общего правила производящих слабое впечатление попыток создать региональную историю православия в «одной, отдельно взятой епархии».

Переиначивая пословицу, можно сказать на сей счёт: каков приход, таков и поп (в данном случае — церковный краевед). Сделав из православия практически обязательную, монопольную идеологию имперского государства, царские власти не столько поощрили, сколько повредили укоренению истинной веры в сердцах людей (Механизмы антицерковного впечатления от значительной части русского клира у мыслящей части паствы глубоко обнажены в долго не публиковавшихся «Записках для детей моих...» нашего великого историка С.М. Соловьёва и многих других мемуарах его современников, вплоть до Л.Н. Толстого и В.С. Соловьёва). Атмосфера канонической несвободы, полное и добровольное подчинение настроениям светской власти косвенным образом сказалась и на историческом краеведении — его церковное направление в синодальный период заметно отставало от мирского (по крайней мере, в изучаемой нами юго-восточной глубинке России).

*Штутульный лист отдельного издания романа (в трёх частях) В.А. Маркова.
Репродукция с сайта интернет-торговца книгами Vopcafo.*

В 1900–1910-е годы погубернские «Ведомости», гражданские и церковные, утратили наконец монополию на газетном рынке российской провинции. В том же Курске и даже в отдельных уездах губернии начали

выходить *новые органы прессы*, как правило, на частные средства. Каждая из этих газет существовала всего несколько лет и отражала мнения разных оттенков правого фланга тогдашней политики (монархистов и черносотенцев в первую очередь, пропаганде которых власти на местах давали зелёный свет), либо носила развлекательно-рекламный характер. Это такие листки, как «Родная страна» («Литературная, политическая, общественная, сельскохозяйственная и экономическая газета»); «Курская газета» («общественной жизни, политики, литературы и торговли»); «Курский листок»; особенно антисемитская «Курская быль»; «Курская весть». Их комплекты сохранились в архивах крайне выборочно, и поэтому судить об их вкладе в историческое краеведение теперь затруднительно. Судя по просмотренным мной номерам, вряд ли он был сколько-нибудь значительным. Во всяком случае, не сравним с респектабельными по губернским меркам «Ведомостями». Однако в плане общекультурной истории некий плюрализм в повременной печати означал очередные ростки гражданского общества и политических реформ в предреволюционной России.

Впрочем, сильной стороной коммерческой и политизированной прессы стала более или менее художественная литература, порциями печатавшаяся из выпуска в выпуск подобных изданий. Вспомним, что многие классики российской словесности начинали с газетной подёнщины и как начинали! Свои корифеи, может быть не первого ряда по энциклопедическому литературному счёту, нашлись и среди курских журналистов-краеведов. Так, в «Курской были» частями печатался *исторический роман Владислава Львовича Маркова* (1832–1905) «Курские порубежники» (1874) — яркое полотно событий, происходивших на юго-восточной границе Московской Руси начала XVII века ¹⁰⁵. Это первое в отечественной литературе художественное произведение на материалах курской истории. Его тематическим продолжением послужили такие исторические произведения этого же автора, как «Лихолетье. Смутное время» и «Рассвет. Предки в трудное время», охватившие всё XVII столетие истории Курского края — в те времена юго-восточного порубежья страны. Почти забытое сегодня, это среднее по своим художественным меркам повествование даст сто очков вперёд тем безвкусицам и нелепицам в псевдоисторическом жанре, что заполняют наши книжные прилавки сегодня ¹⁰⁶. К сожалению, романы В.Л. Маркова остаются библиографической редкостью — после революции они не переиздавались.

Между тем, художественная литература является, как известно, необходимым дополнением исторической науки в деле адаптации знаний о прошлом к возможностям учебного познания у молодёжи и обыденного,

¹⁰⁵ Роман перепечатан: Русский вестник. 1874; отдельное издание — М., 1874.

¹⁰⁶ Взять для примера «роман» В. Крюкова «Княжий воин», критический отзыв на который я даю в последнем параграфе этой работы.

массового сознания народа. «Без стихов, рассказов, романов, история превратится для молодёжи в сухой, нудный предмет ... С чисто профессиональной точки зрения историку полезно учиться у литераторов умению писать живо, интересно, формулировать доступно, правильно и красиво»¹⁰⁷.

Эти и похожие выводы относительно «союза муз — Клио и её сестёр» особенно применимы к регионалистике. Ведь для её преподавания и беллетризации существуют готовые «декорации» — естественно-исторический ландшафт, те памятники природы и культуры, что «видели» всех персонажей учебника истории или романа на историческую тему. «Учитель русских учителей» Константин Дмитриевич Ушинский на склоне лет оживлённо вспоминал впечатления, что произвели на него в детстве «воинственные предания Н[овгорода-Север]ска, осада его Самозванцем, защита Басмановым, участие в шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений ... А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, — предлагал он, — но ... прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога...»¹⁰⁸.

В дальнейшем изложении я попробую отметить и оценить все мало-мальски удавшиеся попытки эстетически воссоздать древнюю и средневековую историю Курской земли. У истоков же художественного краеведения стоит губернская периодика позапрошлого века. Правда, читателю художественной литературы, зрителю кино- и телефильмов на исторические темы следует объяснить принципиальную разницу этих способов показа прошлого¹⁰⁹. Российские экраны уже не первый год захлёстывают сериалы и прочие проекты про великих деятелей российской истории. Почти все эти «произведения» от исторической правды более или менее далеки. По-прежнему на больших экранах и на ярких обложках фигурируют мифы и легенды, а не историческая правда минувшей жизни.

Распространению исторических и историографических знаний среди образованных жителей губернии способствовали регулярно публикуемые «Курскими губернскими ведомостями» *оглавления центральных журналов того времени*. Заинтересовавшийся каким-то из этих материалов и финансово как-никак обеспеченный постоянной службой читатель мог тогда выписать нужный выпуск журнала или годовой его комплект из московской

¹⁰⁷ Поляков Ю.А. Союз муз // Отечественная история. 2002. № 1. С. 5. Этот номер журнала весь посвящён теме «История и литература».

¹⁰⁸ Ушинский К.Д. Дневник, относящийся к гимназическим годам // Собрание неизданных сочинений. Т. III. Материалы для биографии. СПб., 1908. С. 10–11.

¹⁰⁹ См. об этом кн.: Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995; и мою рецензию на неё: Вопросы истории. 1998. № 5. С. 156–158.

или петербургской редакции издания. При умеренном спросе на печатную продукцию вообще, интеллектуальную в особенности, её подписка и рассылка были поставлены до революции удобно и надёжно.

В 1850-м, допустим, году курские читатели газет осведомлялись «Курскими ведомостями» о том, что почти по тем временам академический «Журнал министерства народного просвещения» рассказывал, в частности, «О древних могилах в Витебской и Псковской губерниях», «Находках в керченских курганах». Про «древних обитателей Скандинавии» вёл речь известный шведский зоолог и археолог, профессор Свен Нильсен (1787–1883) в «Северном обозрении». А «Вестник Императорского Русского Географического общества», проводя подписную кампанию в провинциальной периодике, обещал читателям, помимо прочего, «географическое описание стран в разные эпохи их существования. Исследования ... местностей, чем-либо замечательных в историческом отношении»¹¹⁰.

Кроме содержания столичной периодики курская газета часто упоминала на своих страницах о выходе новых книг по истории, археологии, статистике, географии и прочим отраслям гуманитарного знания. При наличии определённого достатка денег их также возможно было быстро получить наложенным платежом через курских или харьковских книготорговцев, а то и бандеролью на дом. Письмо из Курска в Москву тогда обычно находило адресата на третий день.

Ещё в «Губернских ведомостях» перепечатывались программы заседаний («повестки дня» на будущем советском новоязе) Императорских Русских обществ учёных и меценатов — Географического и Археологического, Археологической комиссии при министерстве двора в Петербурге; ещё одного Археологического же общества в Москве. Тематика звучавших там докладов и рефератов так или иначе ориентировала провинциальных любителей древностей в их собственных разысканиях. Активисты этих научных коллективов обеих столиц — ведущие представители тогдашней гуманитарной науки служили губернским краеведам вдохновляющим примером.

Вот наудачу выбранные из «Курских ведомостей» за один только 1851 год имена этого ряда:

- *Александр Борисович Лакиер* (1824–1870), геральдист, первый систематизатор и интерпретатор княжеских и дворянских гербов и печатей в России¹¹¹;

- *Павел Степанович Савельев* (1814–1859), востоковед-арабист, нумизмат, один из первых у нас раскопщиков курганов, славянских и скифских;

¹¹⁰ Курские губернские ведомости. 1851. № 19. С. 191.

¹¹¹ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика // Записки Императорского Русского Археологического общества. Т. VII. СПб., 1854; Отдельное издание: СПб., 1855.

● *Иван Петрович Сахаров* (1807–1863), фольклорист, этнограф, антиквар, популяризатор всевозможных древностей, не гнушавшийся, впрочем, подделывать произведения устного народного творчества;

● *Пьер Жюстен Сабатье* (1792–1869), офицер наполеоновской армии; бонапартист-заговорщик, бежавший из Франции после провала заговора с целью восстановления Наполеоновской империи; скрываясь в России, плодотворно занимался античной нумизматикой и сфрагистикой ¹¹²;

● *Павел Иванович Савваитов* (1815–1895), богослов-библеист, палеограф и археограф, фольклорист и этнограф; издатель древностей Оружейной палаты Московского Кремля;

● барон Бернгард Карл (*Борис Васильевич*) фон *Кёне* (1817–1886), ведущий в своё время античник, нумизмат и геральдист Эрмитажа; сооснователь и первый секретарь Русского Археологического общества; автор окончательного варианта герба Российской империи и гербов её губерний, герба Романовых;

● *Василий Васильевич Григорьев* (1816–1881), талантливый востоковед, публицист (славянофильского толка); между прочим, несколько лет исполнявший обязанности главного цензора (начальника Главного управления по делам печати) Российской империи, надзиравшего за всей её печатью, включая повременную, то есть те же газеты;

● доморощенный (не получивший образования) историк и археолог *Иван Егорович Забелин* (1820–1908), один из основателей и первых руководителей Исторического музея в Москве;

● эрудированный и деятельный архивист *Павел Иванович Иванов* (1794–1864), основатель Московского архива министерства юстиции — главного хранилища самых древних актов нашей страны (ныне — РГАДА).

Газета упоминала или пересказывала их публикации и выступления, присуждённые им Демидовские премии Императорской Академии наук.

Наконец, в губернской прессе, включая курскую, периодически печатались условия и результаты конкурсов учёных сочинений на учреждаемые тогда и присуждавшиеся вплоть до революции общероссийские премии. По гуманитарной части выделялись своей престижностью и результативностью премии Уваровские (установленные и оплачиваемые графом А.С. Уваровым и его наследниками в память основоположника этой династии — министра народного просвещения С.С. Уварова, оставившего заметный след в отечественной культуре).

Благотворителями-энтузиастами науки и просвещения присуждались, кроме ежегодных, также разовые награды исследователям русских древностей за решение конкретных задач по их специальности. Например, И.Т. Яковлеву («Описать русские народные одежды до конца XVII века»; «Написать историю русских школ иконописания до конца XVII века» и тому

¹¹² *Сабатье П. П.* Керчь и Боспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Боспорского. СПб., 1851. 147 с.

подобные); И.П. Сахарову (издать надписи с древнейших русских памятников до конца XVIII столетия) и так далее.

Таковы были *основные каналы периодической трансляции научно-исторической информации* для провинциальных её потребителей в России XIX – начала XX века.

Насколько охотно провинциалы (те же куряне) использовали эти возможности расширить свой исторический кругозор с помощью региональной и центральной печати? Историки отечественной науки и культуры редко задаются подобными вопросами. Хотя, по идее, историю науки, тем более гуманитарной, должно интересовать не только производство специальных знаний, но и их дальнейшее бытование, применение, причём не только внутрицеховое, но и в гораздо более широком общественном мнении, на ниве просветительской популяризации. Для наук о прошлом сказанное особенно важно. Ведь история в той или иной степени, вольно или невольно, всегда — наставница жизни. К фольклорному освещению краевого прошлого по мере развития науки и просвещения присоединяется популяризация результатов научного познания. Истории с тех пор принадлежит явное лидерство в этом сложном, ответственном деле.

В.Е. Маковский (1846–1920). «Литературное чтение». 1866 год.
Государственная Претьяковская галерея.

Вместе с тем ситуацию с читательской аудиторией историков, археологов, этнографов, фольклористов и других гуманитариев не стоит преувеличивать и вообще идеализировать. Сплошь и рядом учёные

специалисты пишут друг для друга. А в умах непрофессионалов научная по своему происхождению информация обычно трансформируется самым причудливым образом. Как подметила язвительная Нина Николаевна Берберова (много сама потрудившаяся над беллетризацией и популяризацией историко-культурных сюжетов), «одни смотрят телевизор, другие в это время читают книги, третьи их пишут, четвёртые заваливаются спать рано, потому, что завтра надо вставать “с солнышком”»¹¹³. Видимо, это нормально для современного общества, взятого в целом. В дотелевизионную и докомпьютерную эпоху интеллектуалы в среднем выглядели образованнее, плодотворнее, духовнее сегодняшних, но остальной народ меньше интересовался какими бы то ни было их трудами. Развитие периодической печати, газет и журналов, центральных и местных, не говоря уже о сотнях телепрограмм, об электронной сети коммуникаций (с массой сайтов и чудесных, и ужасных по степени научности и вообще правдивости) до некоторой степени сблизило академистов и профанов, науку и просвещение значительной части населения.

В свете сказанного позволительно констатировать: *чтение исторической литературы в прежнем Курске* стояло на вполне удовлетворительной по общероссийским меркам высоте. Центральная и долго, до 1920-х годов единственная публичная библиотека города была основана в 1895 году на средства городской думы и названа в честь знаменитого земляка, купца и астронома Ф.А. Семёнова. Здание для неё завещал городу Е.А. Александров. Кроме так называемого абонементов, при ней (с 1897 года) работал бесплатный читальный зал, получивший имя А.С. Пушкина в связи со 100-летним юбилеем поэта. Правда, согласно циркуляру Министерства внутренних дел книги не выдавались тогда несовершеннолетним, учащимся, юнкерам, нижним чинам воинской службы.

По вежливым, но регулярным и настойчивым запросам Семёновской библиотеки ей бесплатно высылали свои издания, в том числе историко-археологической тематики, практически все издательские центры такого рода литературы в России. А именно, Академия наук, ИРАО, ИРГО, Харьковский, Варшавский и другие университеты страны. В Библиотечном обществе среди прочих попечителей активно функционировал Николай Николаевич Лоскутов (1871– после 1923), выпускник Московского университета, занимавшийся в Курске адвокатской практикой; он же один из руководителей кружка курских краеведов того времени — Учёной архивной комиссии¹¹⁴. Постоянными подписчиками библиотеки состояли А.А. Танков, Н.П. Сенаторский и прочие здешние историки-любители.

¹¹³ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 208.

¹¹⁴ Будучи видным деятелем партии кадетов, Н.Н. Лоскутов в 1917 году на непродолжительное время возглавил временный исполнительный комитет на основе широкой коалиции тогдашних политических партий, а после захвата власти большевиками отбыл в Москву, откуда и был выслан из России на знаменитом

Современная вывеска на здании в Курске по улице Карла Маркса, дом 23.

Много книг пожертвовали из своих личных библиотек просвещённые куряне, начиная с доктора Н.П. Журавского и дворянина С.А. Фесенко ¹¹⁵.

По печатным отчётам Семёновской библиотеки «мы видим, что требования на беллетристические произведения, периодические издания, затем детские книги и *исторические*, как всегда, преобладают...» ¹¹⁶ (курсив мой — С.Щ.). В наудачу взятом, среднестатистическом 1907 году при «распределении удовлетворённых требований по отделам каталога» отдел «истории, языкознания и критики» (3457 книговыдач) занимал третье место после «произведений изящной литературы» (27773) и «детских книг» (4057). Вполне логичное распределение читательских интересов для горожан всех возрастов и сословий (в условиях, так сказать, либроцентричной — ориентированной на печатное слово культуры того времени).

Из тогдашней периодики постоянным спросом пользовались: «Исторический вестник» — издание почти академического склада (603 требования за тот же 1907 год); пронародническая «Русская мысль»

«философском пароходе» вместе с другими русскими философами, учёными, общественными деятелями.

¹¹⁵ См.: Степанов В.Б. Семёновская Публичная библиотека // Сайт «Курск дореволюционный».

¹¹⁶ Отчёт правления о деятельности Курской Семёновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1907 (десятый) год. Курск, 1908. С. 3.

(1130); семейно-домашняя «Русская старина» (91); либеральный, интеллектуалистский «Вестник Европы» (743). Все эти издания постоянно печатали материалы по отечественной и всеобщей истории, научность и популярность в которых сочетались самым разным образом.

*Григорий Григорьевич Мясоедов.
«Чтение "Положения 19 февраля 1861 года"»
об отмене крепостного права в России. 1873 год.
Государственная Третьяковская галерея.*

Библиотека просуществовала до 1920-х годов, когда большевики закрыли её, а здание снесли в 1960-е годы при реконструкции улицы Ленина. Часть книжного фонда попала в областную библиотеку имени Н.Н. Асеева, а часть утратилась в неразберихе сначала Гражданской, а затем Отечественной войны. Ныне имя Ф.А. Семёнова носит Центральная библиотека города Курска.

Спустя сто с лишним лет, забегая вперёд, отметим, библиотека в этом своём исходном качестве практически почти вся осталась в прошлом. Попытки реанимировать чтение бумажных изданий с начала XXI века производят жалкое впечатление и прекратятся с ближайшей сменой поколений россиян. Тексты, включая исторические, перейдут целиком на экраны гаджетов.

«— О вас, товарищ Бендер, сегодня в газетах писали, — заискивающе сказал Ипполит Матвеевич.

Остан нахмурился. Он не любил, когда пресса поднимала вой вокруг его имени».

*И. Ильф, Е. Петров.
Двенадцать стульев.*

Подводя *итоги параграфа*, можно признать: научно-историческая информация приобрела в пореформенной России достаточно каналов разной ёмкости для своего циркулирования по всем направлениям социальной системы: «центр — регионы», «властные структуры — общественные объединения»; «академическо-университетские круги — широкая публика», «наука — искусство».

Проделанный выше анализ периодической печати Курска с начала её выхода в свет достаточно явственно свидетельствует о значительном вкладе губернских журналистов в историческое краеведение. Сюжеты о прошлом края, его знаменитых уроженцах или обитателях в минувшие времена, обо всех основных видах его древностей — архитектурных, археологических, документальных, фольклорно-этнографических — не сходили надолго со страниц «Губернских» и «Епархиальных ведомостей» и пользовались устойчивым вниманием читателей. Газета стала основной, а долгие годы и единственной формой обнародования результатов краеведческих изысканий и для здешних историков-любителей, и для академических, университетских учёных, обращавшихся к регионально-курским сюжетам.

На ниве губернской журналистики сформировался целый ряд лидеров исторического краеведения в соответствующие десятилетия местной историографии — А.А. Головашенко в 1850 – 1860-е гг.; Т.И. Вержбицкий в 1890-е; А.А. Танков и Н.И. Златоверховников в 1900-е. А в епархиальной газете свои главные труды напечатали ведущие историки курской церкви — В. Чеканов, Н.П. Сенаторский, Г.И. Булгаков.

Несколько раз прогрессивные публикации курской газеты именно по вопросам историко-археологического плана привлекали внимание столичной цензуры и служили поводом для ужесточения условий выхода прессы по всей империи. В зеркале губернской журналистики, в том числе и в особенности на исторических её произведениях, отражались политические зигзаги имперских властей от некоторой либерализации общественной жизни к её же контрреформам в абсолютистском духе.

Однако сложившийся в комплексах «Курских губернских ведомостей» и, особенно, «Курских епархиальных ведомостей» за 1840 – 1910-е годы свод материалов о памятниках истории и культуры неоднороден. Кроме непреходящего значения фактов из архивов, раскопок, этнографических сборов и фольклорных наблюдений, просто воспоминаний курских

старожилов о днях минувших, губернская пресса впитала в себя массу идейного балласта, что называется информационного шлама по части монархическо-клерикальной идеологии, внеучных вымыслов, вздорных догадок относительно тех же самых краеведческих вопросов. Склонность некоторых современных краеведов и даже отдельных исследователей игнорировать эти недостатки и полностью, некритически воспроизводить старые статьи, их данные без особых комментариев сегодня, явно нуждается в методическом урезонивании. Далеко не все прошлые публикации, тем более внеакадемического, журналистского жанра, достаточно адекватно передают факты непосредственной истории и культуры края.

Необходимо дальнейшее изучение полных комплектов «Губернских ведомостей»¹¹⁷ и других провинциальных изданий России с историко-культурологических позиций. В подшивках губернской периодики за XIX – начало XX века остаётся немало ценных и до времени забытых сведений для науки и практики наших дней. Журналист, учитель, архитектор, музейный работник, археолог, этнограф, лингвист, искусствовед, геолог, зоолог, многие другие специалисты найдут в этих ветхих подшивках незаменимые для себя подсказки и темы для размышлений, источники для новых исследований.

¹¹⁷ Годовые комплекты этой газеты частично оцифрованы и представлены в электронных архивах Российской Национальной библиотеки и Курской библиотеки имени Н.Н. Асеева.